

О.М.ПРИХОДНЮК

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ АНТОВ И ТЮРКСКИЙ МИР (по данным исторических и археологических источников)

В середине и третьей четверти I тыс. н.э. в Юго-Восточной Европе произошли значительные этнокультурные сдвиги. Приход гуннов привел к замене в степях ираноязычного населения тюркоязычным, а в лесостепи – к исчезновению готов, создавших ареал черняховских древностей, на месте которых утвердились славяне пеньковской, пражско-корчакской и колочинской археологических культур (рис. 1). В степях Приазовья и Северного Причерноморья происходили частые перегруппировки кочевых племен и народов, формировались и распадались военно-политические объединения, среди которых наиболее значительными были гуннский союз, союз кутригуров, Великая Болгария Куврата, с распадом которой в Восточноевропейских степях на долгое время гегемоном стала Хазария. В отличие от тюркоязычных кочевников восточные славяне, объединенные в антский политический союз, развивались стабильно. В третьей четверти I тыс. н.э. два этнических массива мирно сосуществовали. Не исключено, что в определенные периоды они находились даже в союзнических отношениях. Взаимодействие оседлого и кочевого населения приводило не только к взаимопроникновению элементов их культуры, но и к появлению у них общих черт. К таким, в частности, относятся очень похожие металлические детали, оснащавшие портупей воинов. Близкие поясные гарнитуры имеются как в впускных погребениях воинов-степняков, так и в лесостепных кладах VI-VII вв.

Лесостепные клады являются важным источником изучения этнокультурной ситуации, сложившейся в третьей четверти I тыс. н.э. в Юго-Восточной Европе, особенно на пограничье лесостепи и степи. Распространены они от Поросья и Потясминья на западе (Мартыновский, Хацковский, Мало-Ржавский, Воробьевский, Вильховчикский) до поречья Северского Донца на востоке (Колосковский, Цыпляевский), от верхнего и среднего течения Десны на севере (Менский, Трубчевский, Гапоновский) до верховий Ворсклы на юге (Ново-Одесский, Козиевский) (рис. 2). Все они состоят из очень близких категорий вещей (рис. 3, 1-8; 4, 1-20). Однако их общность несколько преувеличена. Так, считается, что во всех кладах присутствуют женские украшения и мужские гарнитуры. Действительно, такие вещи присутствуют в 10, преимущественно больших, кладах – Мартыновском, Хацковском, Ново-Одесском, Козиевском, Угловском, Суджанском, Колосковском, Цыпляевском, Трубчевском и Гапоновском. В небольших кладах присутствуют одни или другие наборы. Исключительно женские украшения содержали Мало-Ржавский, Воробьевский, Сыроватинский, Менский, Смородинский, а мужские портупейные наборы – Вильховчикский клады.

Утвердилось мнение, что в лесостепных кладах отсутствуют предметы вооружения и конского снаряжения. Это не совсем так, ибо портупейные ремни, от которых сохранились пряжки, лжепряжки, поясные наконечники и накладки, были не только признаком воинского статуса их владельцев, но и служили для подвешивания мечей и кинжалов. Поэтому их следует рассматривать как снаряжение, сопутствующее холодному оружию. С холодным оружием связаны оковки ножей с P-образными ушками и перекрестье сабли или кинжала

из Мартыновки. В Козиевке был железный кинжал, в Колосково – два железных наконечника от копий. По свидетельству очевидцев, вещи из Колосково находились в железном шлеме. Серебряные наушники от шлемов содержали клады из Мартыновки и Малого Ржавца. Некоторые клады включали конское снаряжение. Это серебряный разделитель нагрудных ремней из Мартыновки и железные удила из Козиевки и Гапоново.

Неотъемлемым признаком лесостепных кладов считаются большие пальчатые фибулы днепровского типа. Это также явное преувеличение. Они присутствуют в 11 кладах: из Мартыновки, Новой Одессы, Козиевки, Смородино, Сыроватки, Суджи, Мены, Трубчевска, Гапоново, Колосково и Углов. Отсутствовали они в Хацковском, Воробьевском, Мало-Ржавском, Вильховчикском и Цыпляевском кладах.

Наборы Днепровского Правобережья отличаются от Левобережных материалом, из которого они были изготовлены. Практически все изделия Поросско-Тясминской группы кладов были изготовлены из серебра, а из Днепровского Левобережья – преимущественно из цветных металлов. Там лишь среди портупейных наборов встречаются серебряные украшения и исключительно редко – среди женских украшений. Серебряные изделия вообще отсутствовали в наборах из Новой Одессы, Смородино, Сырватинец, Мены, Колосково, Углов, Цыпляева.

В кладах из Правобережной части Днепра известна лишь одна пальчатая фибула с S-видными завитками на щитках из Мартыновки. На Левобережье они встречаются значительно чаще. В Трубчевском кладе их насчитывается 17, в Ново-Одесском – 6, Козиевском – 6, Колосковском – 5, Гапоновском – 4, Смородинском – 4, Сырватинском – 3, Суджанском – 2, Угловском – 2, Менском – 1.

В кладах из Днепровского Левобережья присутствуют украшения, которых нет в наборах Правобережья. Это большие височные кольца с расширенными концами, присутствующие среди драгоценностей из Гапоново (11 шт.), Суджи (6 шт.), Трубчевска (3 шт.), Козиевки (1 шт.); цепи из Козиевки (7 шт.), Новой Одессы (3 шт.), Суджи (2 шт.); колокольчики из Козиевки (13 шт.), Новой Одессы (10 шт.), Гапоново (7 шт.), Суджи (2 шт.); браслеты с концами, украшенными елочным орнаментом из Козиевки (12 шт.); умбовидные подвески из Суджи (17 шт.), Гапоново (14 шт.), Козиевки (3 шт.); жестяные трехрогие лунницы из Козиевки (3 шт.); широкопластинчатые фибулы из Козиевки (1 шт.) и Гапоново (1 шт.); поясные накладки с крестообразными прорезями из Трубчевска (13 шт.), Козиевки (3 шт.) и Гапоново (6 шт.); оловянные конусы из Гапоново (166 шт.), Козиевки (11 шт.), Новой Одессы (27 шт.) и Суджи (2 шт.). Среди этих наборов встречаются и некоторые другие мелкие украшения, отсутствующие на Правобережье (бусы, амулеты из зубов животных и т.д.). Лишь среди наборов из Трубчевска и Козиевки было по одной зооморфной фибуле с щитовидной геральдической ножкой.

Вообще, клады Днепровского Правобережья отличаются не только тем, что их наборы изготовлены из серебра, но и технологическим и художественным мастерством производства. В некоторых из них есть, отсутствующие на Левобережье, изделия византийского происхождения. Это кубок и чаша, блюдо и ложка из Мартыновки, наушники от шлемов из Мартыновки и Малого Ржавца.

Стоит подчеркнуть, что в составе двух групп кладов, кроме достаточно распространенных украшений как, например, браслетов с расширенными концами, трапециевидных, очковидных, спиралевидных подвесок и др., имеются и уникальные украшения. Среди них зооморфные фигурки из Мартыновки (5 шт.) и Трубчевска (3 шт.). Но лишь в Мартыновке найдены антропоморфные фигурки (3 шт.). В кладах из Мартыновки (2 шт.), Козиевки (2 шт.) и Трубчевска

(1 шт.) присутствуют многоглавые зооантропоморфные фибулы.

Определенные отличия наборов лесостепных кладов третьей четверти I тыс. н.э., наиболее вероятно, связаны с воинской удачей и местом их владельцев в военной иерархии, художественным вкусом населения, от которого поступали драгоценности местного производства и т.д. Однако, несмотря на достаточно обширный ареал, по вещевым комплексам они достаточно четко выделяются в единую группу древностей. Это объясняется одним периодом их накопления, когда в лесостепной полосе Юго-Восточной европы были распространены стилистически близкие наборы украшений и оснащения портупейных гарнитуров.

Еще в конце 20-х гг. XX в. А.А.Спицын связывал лесостепные клады с антами (1, с. 492-495). Эта концепция находит поддержку и в наше время. Хотя в начале 50-х гг. Б.А.Рыбаков попытался ее пересмотреть, предложив эти древности "антов" переименовать в древности "русов" (2, с. 17). Исходя из позиций антинорманизма, он попытался обосновать древнее происхождение названия славянской Руси. Для этого было использовано не только совпадение ареалов комплексов пальчатых фибул VI-VII вв. (древности русов) и Приднепровской Руси IX-XIII вв., но и сообщение VI в. Захария Ритора, который перечисляя народы, проживавшие к северу от Кавказа, рассказал о фантастических людях – псах и амазонках. "Соседний с ними народ "hrws", - пишет Захарий, - люди наделенные огромными членами тела" (3, с. 114-115; 4, с. 84-87). Исходя из убеждения, что "hrws" в переводе с сирийского языка означает "рос" или "рус", Б.А.Рыбаков утверждает, что в Поднепровье (Поросье) уже в середине VI в. жил одноименный народ, составлявший ядро антского политического союза (2, с. 91).

Против этой версии аргументировано выступил О.И.Прицак. "Сирийское "Hrōs" (555 г. н.э.), - пишет он, - обнаруженное в работе Псевдо-Захария Ритора, введенное в восточноевропейскую историю И.Марквартом в 1903 г., в действительности не имеет отношения к названию "Rus". Название выступает не в самой "Церковной истории", а в приложении, где содержится интересное сообщение о христианской миссии Кардоста в среду гуннов на Северном Кавказе, которое содержит перечисление гуннских племен. Это сообщение заставило летописца привести эпизод об амазонках из среднеперсидской версии саги об Александре, где греческий термин heros (герой) употребляется к великаншам-амазонкам. В сирийской редакции этот греческий термин собственно приобретает форму hrōs" (5, с. 23).

Большинство исследователей не восприняло идею принадлежности комплексов пальчатых фибул и лесостепных кладов русам, хотя у археологов иногда появляются сюжеты о росах (русах) в Поднепровье. Как и идея о принадлежности русам днепровских кладов и комплексов пальчатых фибул третьей четверти I тыс. н.э. Лишь историографический интерес имеет попытка некоторых венгерских исследователей связать их с аварами (6, S.227-228; 7, S. 42-55).

В источниках этноним "рус" появляется лишь в IX в. В византийских (Житие Георгия Амастридского) самое первое название относится к 20-м гг. IX в., в западноевропейских (анналы Каролингов) – к 839 г., в восточных (Ибн Хардадбег) – после 840 г. (8, с. 38-41, 92).

С развитием археологического славяноведения появились попытки сопоставить с антами не только лесостепные клады третьей четверти I тыс. н.э., но и целые археологические культуры. В послевоенные годы приобрела распространение идея об антской принадлежности черняховских древностей. Наиболее пламенным ее сторонником стал М.Ю.Брайчевский. Исходя из убеждения, что черняховская культура датируется от II до VII вв. и опираясь на

то, что территория ее распространения почти полностью совпадает с анским ареалом, очерченным в письменных источниках, он до наших дней отстаивает взгляд, сформулированный в начале 50-х гг. (9, с. 21-42; 10, с. 58-67; 11, с. 11-24; 12, с. 73; 13, с. 122-133; 14, с. 160). Однако, в послевоенные годы на территории Юго-Восточной Европы хорошо стали известными послечерняховские славянские древности середины и третьей четверти I тыс. н.э., присутствие которых делает невозможным существование черняховских памятников в антский период восточно-славянской истории (V-VII вв.). Это полностью снимает вопрос об антской принадлежности черняховских древностей, датирующихся концом II - началом V в.

Успехи в изучении древностей третьей четверти I тыс. н.э. привели к попыткам связать с антами одну из средневековых восточнославянских культур. Наибольшее количество союзников собрала идея П.И.Хавлюка об антской принадлежности славянских памятников VI-VII вв. Южного Побужья, которые были частью пеньковского ареала (15, с. 187-201; 16, с. 230-250). Идею об антской принадлежности пеньковской культуры развили П.Н.Третьяков, В.В.Седов и др. (17, с. 240-254; 18, с. 119-133). В.В.Седов ко второй (антской) группе восточнославянских древностей причисляет еще и памятники Левобережья Среднего и Верхнего Поднепровья. Действительно, концепция антской принадлежности пеньковской культуры, сторонником которой является и автор (19, с. 58-69), выглядит убедительной. Ведь не только хронология (V-VII вв.), но и основная территория распространения этой культуры в лесостепи, на границе со степью от Северского Донца до Подунавья, почти полностью совпадают со временем существования и расселением антов письменных источников. Однако, соотнося население пеньковской культуры с антами, мало внимания уделялось племенному определению населения, жившего севернее пеньковского ареала, которое на Правобережье Днепра оставило после себя пражско-корчакские, а на Левобережье – колчинские древности. Преимущественно, их признавали славянами, этническое название которых не сохранилось. В.В.Седов колочинские древности считает балтскими (20, с. 29-34). Такая их этническая интерпретация не нашла поддержки у большинства исследователей (21, с. 291-298).

Автором новации в области восточнославянского этногенеза недавно выступил В.Д.Баран. Присоединившись к мнению об антской принадлежности пеньковской культуры, которая, по его мнению, не имеет продолжения в последующее время, он высказался в пользу того, что основная, непрерывная линия развития восточнославянского населения имела место в ареале пражско-корчакских древностей Правобережной Украины. Их родство со склавинскими памятниками пражского типа Центральной и Южной Европы, по убеждению В.Д.Барана, свидетельствует в пользу склавинской принадлежности и населения пражско-корчакского ареала в Юго-Восточной Европе. Их название "склавины" после трансформировалось в "славян", которые известны в последующее время. Археологически это выглядит так: пражско-корчакские древности через памятники Луки-Райковецкой трансформировались в культуру Руси. В процессе такой эволюции, на протяжении второй половины I тыс. н.э. они распространились на пеньковские территории Правобережного и даже Левобережного Поднепровья. Поэтому предками населения Руси были не анты, а склавины (22, с. 33-50).

По нашему мнению, не соответствует действительности представление о том, что раннесредневековое политическое объединение должна представлять одна археологическая культура. Если даже исходить из тождества археологической культуры и этноса, что не лишено смысла, то следует помнить, что в состав военно-политических союзов эпохи

раннего средневековья входило несколько этнических групп. То есть, в состав восточнославянского объединения антов могло входить население, создавшее не только пеньковскую, но и пражско-корчакскую и колочинскую культуры. Вместе с тем, создатели одной археологической культуры на определенных этапах своего развития могли входить в состав различных политических группировок. Например, население, оставившее после себя пражские памятники в Европе входило в состав венецкого и склавинского союзов. Поэтому не кажется невозможным, что народ, создавший пражско-корчакские древности на Правобережной Украине, мог входить в состав объединения антов. Расширение влияния пражско-корчаковского населения, а позже населения культуры Луки-Райковецкой на другие восточнославянские этносы свидетельствует лишь об увеличении их роли в процессе восточнославянского этногенеза, не опровергая ведущей роли антского союза в этом сложном процессе. То, что анты в письменных источниках в последний раз упоминаются под 602 г., а склавины на наших территориях как будто имели дальнейшее развитие, название которых трансформировалось в славян, не может служить аргументом в пользу склавинской линии развития восточных славян. Если исходить из того, что последнее упоминание о политическом союзе является хронологическим рубежом его существования, то объединение склавинов пережило антов всего на полтора десятилетия. Созвучность названий склавинов и славян не является свидетельством в пользу этногенетической связи между народами, кроющимися за этими названиями. Научным аргументом его могут сделать только специалисты-филологи, но при условии, если они решат этот вопрос положительно. И последнее, определяя географию славянских народов начальной эпохи средневековья, нельзя игнорировать Иордана, который дважды указал на Днестр, как на рубеж между антами и склавины (23, с. 72).

Мы убеждены, что без антского политического союза V-VII вв., в IX в. не состоялась бы Русь – первое восточнославянское государство.

Согласно готскому историку Иордану, во второй половине VI в. "Склавлены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на севере – до Висклы... Анты же – сильнейшие из обоих [племен] – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину" (23, с. 72). Из этого текста следует, что именно Днестр был порубежной зоной между восточными и западными славянами (антами и склавины). На севере территория склавинов доходила до Вислы, где они соприкасались с венедами, проживавшими на безмерных пространствах северных склонов Карпат "начиная от места рождения реки Вистулы" (23, с. 71). Плохо поддается определению Мурсианское озеро и город Новиетун. Их локализируют в дельте Дуная, на правом берегу р. Савы, в Венгрии, Румынии и т.д. На наш взгляд, приблизительное место расположения Мурсианского озера позволяет определить тот же Иордан, который пишет, что "Скифия погранична с землей Германии, вплоть до того места, где рождается река Истр (Нижний Дунай - О.П.) и простирается Мурсианское озеро" (23, с. 71). Далее Иордан говорит, что Тизия (Тисса - О.П.) впадает в Данубий, а Флютавзий (Олт - О.П.) – в Истр (23, с. 71). То есть, истоки Истра находились где-то между Тиссой и Олтом. Вблизи от них простирается Мурсианское озеро, которое Е.Ч.Скржинская убедительно идентифицировала с озером Балатон в Венгрии (24, с. 2-30). Название Новиетун наиболее распространенным было на севере Италии и в Галии, в землях расселения кельтов. Наиболее удаленные на север населенные пункты с таким названием находились в Нижней Мезии, выше дельты Правобережья Дуная (современный г. Исачка) и в Верхней Паннонии, на правом берегу р. Савы, возле г. Любляны. Поскольку из текста Иордана следует, что Новиетун (в контексте

склавиного расселения) находился вблизи Мурсианского озера (о. Балатон), то, наиболее вероятно, этот город был в поречье р. Савы. Таким образом, согласно письменным источникам, склавиная территория вписывалась в пространство между Дунаем, Днестром, г. Любляной и верховьями Вислы. Однако, эта территория не была сплошь занята склавинами, поскольку в то время в Центральной Паннонии были авары, в Потисье – гепиды, на Левобережье Нижнего Подунавья – предки гето-даков, которые жили там вместе со славянами.

У Иордана анты локализованы между Днестром и Днепром "там, где Понтийское море образует излучину". Эта излучина расположена в месте впадения Дуная и Днестра в Черное море. Далее на восток вдоль Черноморского побережья антов не было, поскольку там "места расселения булгар" (23, с. 72). Прокопий расширяет антское расселение за счет территорий, расположенных выше степи от Днепра до Дона. Он пишет, что над Меотийским озером (Азовское море - *О.П.*) до реки Танаис (р. Дон - *О.П.*) жили утигуры, а "далее на север от них занимают земли бесчисленные племена антов" (25, с. 242). Северный край антского расселения у древних авторов не очерчен.

Таким образом, не вызывает сомнений, что водоразделом между антами и склавинами был Днестр. Однако, его не следует воспринимать как непреодолимую преграду между восточными и западными славянами. Наоборот, он служил не разъединяющим, а объединяющим фактором. Это было обусловлено потребностями эксплуатации водных ресурсов, судоходства и т.д. О совместном проживании антов и склавинов в среде местных народов на Левобережье Дуная говорит Прокопий. "Они живут на большей части берега Истра, по ту сторону реки" (25, с. 237). В другом месте своего сочинения он пишет, что гунны, славяне и анты "имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега" (25, с. 234). Не исключено, что какая-то часть антов проживала и в Предкарпатье. Лишь из выходцев с предгорных или горных районов мог комплектоваться отряд из 300 антов, пребывающих на службе у Византии, воины которого "лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах" (25, с. 238).

Раннесредневековые славяне не были единым, монолитным народом. Под эти названием кроется группа родственных этносов, названия которых "теперь меняются соответственно различным родам и местностям" (23, с. 72). Неоднородность славян того времени находит подтверждение и у Прокопия, который сообщает, что после разгрома герулов лангобардами в начале VI в., герулы оставили насиженные места на Правобережье Дуная и двигаясь на север "прежде всего прошли подряд через все славянские племена" (25, с. 234). Славяне третьей четверти I тыс. н.э. пребывали приблизительно на одной ступени развития, они, согласно Прокопию "не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправии" (25, с. 237). Более того, раннесредневековые письменные источники говорят о том, что анты и склавины происходят от единого венедского корня. "У тех и других, - пишет Прокопий, - один и тот же язык, довольно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга... И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племена называли спорами ("рассеянными"), думаю потому, что они жили, занимая страну "спораден", "рассеянно", отдельными поселками" (25, с. 237). Название "споры" Прокопия является эквивалентом "венедов" Иордана, которые в VI в. преимущественно назывались склавинами и антами (23, с. 72).

Анты и склавины были основными славянскими группировками третьей четверти I тыс. н.э. предгосударственного типа. Исторические судьбы их очень похожи. Наиболее раннее упоминание об антах сожержится в произведении Иордана, в его описании готско-антских войн времен Бога (конец IV - начало V вв.), когда лишь при содействии гуннов анты были

освобождены от готского господства. В "Гетике" об этом говорится следующее: "по смерти короля их Германариха они (остроготы - О.Л.), отделенные от везеготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране, причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования. Подражая доблести деда своего Вультульфа, он, хотя и был ниже Германариха по счастью и удачам, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных. Но с такой свободой повелевал он едва в течение одного года: [этого положения] не потерпел Баламбер, король гуннов; он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинился гуннам со значительной частью готов, и, возобновив с ним союз, повел войско на Винитария. Долго они бились; в первом и во втором сражении победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов! Но в третьем сражении, когда оба [противника] приблизились один к другому, Баламбер, подкрavшись к реке Эрак, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но однако так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и [соответственно] решению гуннов" (23, с. 115). Оправившись от готских, а позже от аварских погромов, анты поднялись, заняв одно из ведущих мест в европейской истории того времени. В VI в. они активно проявляли себя на Балканах, выступая против или в союзе с Византией (26, с. 58). Но всегда они находились в конфронтации с аварами. И даже последнее упоминание об антах связано с их противоборством с аварами, о чем пишут Феофилакт Симокатта и Феофана, где под 602 г. указано, что "хаган послал Апсиха с войском уничтожить племя антов как союзников ромеев. После того как это случилось, часть варваров перешла к ромеям" (26, с. 58).

А.В.Мишулин первое упоминание о склавинах усматривал в произведении Альцима Экдиция Авита (460-525 гг.). "Ты, Мартин, принимаешь под благочестивым союзом Христа огромные и разнообразные племена: Аламани, Саксонец, Торинг, Паннонец, Руг, Склав (Sclavus), Нара, Сармат, Дан, Острогот, Франк, Бургундион, Даг, Алан радуются, что познали бога под твоим руководством" (25, с. 231). Е.Ч.Скржинская считала, что эти слова не принадлежат Авиту, они являются более поздним приложением к его произведению. Цитированный текст, - по ее убеждению, - был на надгробной стеле Мартина, который умер в 580 г., на 55 лет позже смерти Авита. "Таким образом, - писала Е.Ч.Скржинская, - упоминание о "Склаве" в тексте, приведенном в издании Мишулина, не принадлежит Авиту и не является древнейшим свидетельством о славянах, так как относится к тому времени, когда уже были написаны сочинения Иордана, Прокопия, Агафия и, вероятно, Менандра" (23, с. 211).

В любом случае, склавинское политическое объединение было стабильным и независимым. Согласно представлениям аварского кагана Баяна, пересказанным в конце VI в. Менандром "склавинская земля изобилует деньгами, потому что издавна склавины грабили римлян... их же земля не была разорена никаким другим народом" (25, с. 248). В частности, в конце VI в. "Эллада была опустошаема склавиными, со всех сторон нависли над нею бедствия" (25, с. 247). Империя не в состоянии была самостоятельно справиться с врагом, поэтому Тиберий был вынужден обратиться к аварам за помощью в борьбе со

склавины. В то время склавины находились во враждебных отношениях с аvaraми, к чему привел отказ платить дань и убийство аварских посланцев. Согласно Менандру, "вождь аваров отправил посольство к Дарвиту и к важнейшим князьям склавинского народа, требуя, чтобы они покорились аvarам и обязались платить дань. Дарвит и старейшины склавинские отвечали: "Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашею землей, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете войны и мечи". Такой дерзкий ответ дали склавины; не менее хвастливо говорили и аvarы. Затем последовали ругательства и взаимные оскорбления, и, как свойственно варварам, жестокими и напыщенными словами они возжигали взаимный раздор. Склавины, будучи не в силах обуздать свой гнев, умертвили посланников аварских" (25, с. 248). Поэтому каган с готовностью откликнулся на предложение Византии, поскольку "он имел издавна причину жаловаться на склавинов и питал тайную к ним вражду, да и досадовал на них за то, что не покорились ему и притом нанесли ему великое оскорбление" (25, с. 248). На Левобережье Дуная "они начали немедленно жечь селения склавинов, разорять их и опустошать поля" (25, с. 247). К сожалению, "История" Менандра в полном объеме не сохранилась, уцелели лишь ее фрагменты в произведениях более поздних авторов, поэтому не известно точно, как закончились эти противостояния. Однако к началу VII в. склавины потеряли самостоятельность и вместе с аvarами и гепидами составляли какое-то загадочное объединение "запасных гуннов", которых, по свидетельству Феофана, в 617 г. персидский царь Хозрой приказал присоединить к своему войску "и с ними идти для осады Константинополя" (25, с. 276). Это последнее упоминание о склавинынах позволяет усматривать факт распада единого и независимого склавинского союза.

В контексте этногеографии раннесредневековых восточных славян, важным является вопрос о дулебах, ведь их иногда считают тем стержнем, вокруг которого сформировалось антское межплеменное объединение (27, с. 16; 28, с. 122-124). Поскольку этот этноним западногерманского происхождения, то В.В. Седов считает, что дулебы сформировались в позднеримское время где-то вблизи от западных германцев. Оттуда они расселились в Чехию, Среднее Подунавье и Волынь (18, с. 133). Л. Нидерле определял расселение дулебов и в Южной Беларуси (27, с. 156). В "Повести временных лет" говорится, что "Дулебы же жили по Бугу, где ныне (во времена Нестора - О.П.) волыняне" (29, с. 210). На территории Волыни в начальную эпоху средневековья жили племена, оставившие памятники пражско-корчакского типа, не имеющие связи с предшествующими черняховскими древностями. То есть, на Волыни население, оставившее археологические памятники пражско-корчакского типа VI-VII вв., не было местным, наиболее вероятно, его следует связывать с пришлыми туда дулебами.

У Нестора-летописца имеется интересный сюжет, связанный с аваро-дулебскими отношениями времен цесаря Ираклия (610-641 гг.). "Эти обры воевали против славян и примучили дулебов - также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запречь коня или вола, но приказывал впречь в телегу три, четыре или пять жен и везти его - обрина. И так мучили дулебов" (29, с. 210). Это сообщение традиционно связывается с волынскими дулебами. Однако, П.Васи показал, что этот текст об обрах (аварах) относится к паннонским дулебам. Этот сюжет Нестор взял из письма патриарха Николая Мистикоса к болгарскому царю Симеону (первая половина X в.) (30, С. 20).

О восточноевропейских дулебах еще раз говорится в летописи под 907 г. Когда Олег пошел на греков, то "взял же с собою множество варягов и славян и чуди, и кривичей, и

мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцов" (29, с. 220). Эти отрывочные упоминания в летописи о волынских дулебах не дают оснований сделать вывод, что они были сильной группировкой, способной возглавить антский союз восточно-славянских племен.

Вероятнее всего, что антами были полянские вельможи Кий, Щек, Хорив и их сестра Лыбидь. К такому выводу можно прийти, сопоставляя различные письменные источники. В "Повести временных лет" Нестор с удивлением передает версию о том, что Кий был "перевозчиком" (29, с. 209). "Перевозчики" упоминаются и в "Хронографии" Феофана, переведенной В.И.Оболенским и Ф.А.Терновским из боннского издания: "Каган немедленно послал Апсиха с большим войском истребить перевозчиков, как римских союзников" (25, с. 276). Естественно, что "перевозчики" у Феофана означали не характер трудовой деятельности, а принадлежность их к определенному племени. У Феофилакта Симокатты почти идентичный текст упоминает об антах: "каган, получив известие о набегах римлян, направил сюда Апсиха с войском, с приказанием истребить племя антов, которые были союзниками римлян" (25, с. 268). То есть, "перевозчики" и "анты" были одним и тем же народом, который под различными названиями упоминается у раннесредневековых авторов. Не исключено, что "перевозчиками" назывались анты, проживающие в Подунавье, ведь у того же Феофилакта Симокатты говорится, что во время одного из походов аварский каган, для того чтобы переправиться через Истр "приказывает славянам построить большое число легких судов" (25, с. 261). Возможно, что Кия называли "перевозчиком" тогда, когда он на Дунае "срубил небольшой городок, и хотел обосноваться в нем со своим родом, но не дали ему близ живущие" (29, с. 209). Возвратившись в Поднепровье, он сохранил свое новое наименование "Перевозчик". Поляне, жившие в Поднепровье, должны были входить в антский союз. Ведь тут они были древним, коренным народом, "ибо и до той братии (Кия, Щека и Хорива - О.П.) были уже поляне и жили они родами на своих местах" (29, с. 208).

То, что антский союз занимал земли в юго-восточной части Восточной Европы не вызывает никаких сомнений. Это хорошо прослеживается по произведениям древних авторов (Иордан, Прокопий и др.). Попытаемся конкретизировать антский ареал по археологическим источникам. При этом, мы будем исходить из того, что антский союз представляют три основные восточнославянские культуры середины и третьей четверти I тыс. н.э. – пеньковская, колочинская и пражско-корчакская. Территорией их распространения является лесостепная полоса Юго-Восточной Европы. На юге она частично охватывает степные, а на севере – лесные регионы (рис. 1). Тут славянские памятники, общее количество которых превышает 850, более или менее сплошной площадью покрывают пространство, которое с востока, юга и частично с запада определяется относительно хорошо исследованными поселениями пеньковского типа возле сс. Льяное, Липицы, Заньки, Задонецкое, Сухая Гомольша, Нижний Бишкин, Богородичное в поречье Северского Донца; Богатое, Чернечина, Иосиповка в Поорелье; Игрень Волосское, Диброва, Хортица, Скельки, которые заметно выступают в степную часть Днепровского Надпорожья; Беляевка, Семеновка, Ивановка, Луги в Южном Побужье; Ханска, Данчены, Шектебаны (ур. Хуча), Требужены в междуречье Днестра и Прута. Выше на север, вдоль левого берега Днестра известны такие пражско-корчакские древности как Бернашевка, Бакота, Сокол, Каветчина, Устье, Зеленый Гай, Бовшев, Демянов; в Припятском полесье – Стуга, Хорск, Петровка. По обоим берегам верхнего течения Днепра, между поречьями Березины и Сейма колочинский ареал выделяется по древностям из Шатково, Нового Быхова, Тайманова в Беларуси; Владимировки, Смольяни, Беложаменки, Букреевки Тазово в курском Подесенье и Посеймье.

Условная, пока точно не определенная граница между колочинским и пеньковским ареалами на Левобережье Днепра намечается в верховьях Ворсклы, Псла и южнее Десны. На Правобережье не очень четкая граница между пеньковскими и пражско-корчакскими древностями проходит по линии Белая Церковь, Винница, которая выходит на территорию соприкосновения между Молдовой и Черновицкой областью Украины. Водоразделом между пражско-корчакскими и колочинскими памятниками является Днепр от Киева до Припяти.

К востоку от пеньковской культуры, в лесостепном Приосколье, примыкающему к поречью Дона, сравнительно недавно стали известны славянские древности третьей четверти I тыс. н.э., к сожалению, они пока стационарно не исследовались (31, с. 117-140). Эти археологические материалы хорошо сопоставляются с очерченной Прокопием границей антского расселения с востока, которая достигала р. Дона (25, с. 242).

К западу от основного пеньковского ареала, на землях Восточной Румынии вплоть до дельты Дуная, распространены памятники VI-VII вв. типа Сучава-Шипот, на материалах которых хорошо прослеживаются пеньковские, пражские и местные гето-дакийские черты культуры (32, р. 11-50; 33, с. 180-191). О совместном проживании антов и склавинов в местной этнической среде на Левобережье Нижнего Подунавья говорится у Прокопия (25, с. 234, 237).

Таким образом, восточная, западная и южная границы антского расселения хорошо соотносятся с археологическими данными. Северная, которую не знали древние авторы, определяется по ареалу славянских культур третьей четверти I тыс. н.э., которые достигают поречья Припяти и понизовья Березины на Правобережье, нижнего течения Сожа и Верхнего Подесенья на Левобережье Днепра.

По археологическим признакам восточнославянские культуры очень близки между собой. На сегодняшний день известно около 400 пражско-корчакских, более 300 пеньковских и более 60 колочинских памятников. Преимущественно это остатки сельских поселений, располагающихся в низинах, вблизи от водоемов. Рядом с ними имеются участки легких для обработки грунтов, пойменные луга, болота. В таких топографических условиях располагались пражско-корчакские (Корчак, Рипнев, Городок, Устье, Лука-Каветчинская), пеньковские (Пеньковка (ур. Молочарня), Сушки, Будище, Кочубеевка, Хитцы, Семенки, Самчинцы), колочинские (Целиков Бугор, Левкин Бугор, Смольянь, Ривчак) и другие поселения. Преимущественно они группируются по 3-5 вместе, на расстоянии 1-3 км друг от друга. То есть, археологически подтверждаются свидетельства Маврикия о том, что местности, которые занимали славяне "расположены вдоль рек и они так соприкасаются друг с другом, что между ними нет столь большого расстояния, чтобы о нем стоило упоминать, около них находятся леса, болота или заросли тростника" (25, с. 256). Размеры селищ всего 2-3 га. На такой площади располагается не более 30 жилищ, сопровождающиеся хозяйственными постройками и ямами. Это строения отдельных домохозяйств. Однако даже такое их количество не функционировало одновременно. Во время раскопок попадают котлованы полуземлянок, заброшенных еще в древности. В таких объектах почти отсутствуют находки, их засыпали землей или мусором. На преимущественном большинстве славянских поселений одновременно функционировало 10-15 домохозяйств. В тех случаях, когда раскопки были осуществлены на больших площадях, прослежена планиграфия поселений. Кроме бессистемно расположенных домов, удалось проследить и некоторые закономерности в их расположении. В частности, на поселении пражско-корчакской культуры вблизи г. Городка на р. Смотрич домохозяйства концентрировались тремя группами по 2-6 вместе. Такую же закономерность прослежено при раскопках в Корчаке, Тетеревке, Клаветчине и др. местах. На поселении Корчак III иногда прослеживались следы

ограждений в виде ямок от кольев, окружающих группы жилищ (34, с. 23). На отдельных селищах (Корчак II, Устье) строения располагались не очень четкими рядами, что позволяет усматривать на них уличную планировку (34, с. 23; 35, с. 11). Для пеньковских памятников более присущи бессистемно разбросанные полуземлянки на расстоянии нескольких десятков метров. Вблизи бывают хозяйственные постройки. Однако, в Будицах 19 хозяйственных ям концентрировались компактной группой и вместе с другими подсобными постройками составляли хозяйственную периферию поселения. Концентрацию ям прослежено и на пеньковском поселении в Хитцах. Компактными группами располагались 4 полуземлянки пеньковской культуры в Семенках и 5 – на колочинском поселении Смольянь.

Размерами выделяется пражско-корчакское поселение Рашков III на Среднем Днестре, где обнаружено 91 жилищную полуземлянку (22, с. 6, рис. 1). Пока трудно объяснить его большие размеры. Во всяком случае, следует иметь в виду, что на расположенном над ним и другими находящимися рядом славянскими поселениями VI-IX вв. возвышении имеются остатки укрепленного городища, на территории которого археологические раскопки не проводились. Можно предположить, что будучи общинным центром, оно, для обеспечения своих функций, имело необходимость в концентрации большого количества людей. Возможно, что своеобразная топография местности стала причиной тому, что вместе селилось большее количество людей на участке, зажатом между скалой и течением Днестра. Такое объяснение имеет право на существование, ведь рядом с другими славянскими городищами, расположенными в традиционных топографических условиях, находится по несколько небольших поселений открытого типа. В этих случаях достаточное количество свободных земель позволяло общинникам селиться традиционно небольшими селищами, не создавая чрезмерное скопление людей в одном месте.

Городищ VI-VII вв. в ареале восточнославянского расселения известно мало. Поэтому они привлекли особое внимание исследователей, став объектами широкомасштабных раскопок. Так случилось, что в трех ареалах известно по одному хорошо раскопанному городищу: пеньковском – возле с. Селиште в Молдове, пражско-корчакском – вблизи с. Зимно на Волыни в Украине, колочинском – в окрестностях с. Колочин на Гомельщине в Беларуси.

Городище Селиште расположено на мысе при впадении ручья Ватич в р. Реут. Оно занимает возвышенный участок, огражденный с трех сторон крутыми обрывами, а с napольной, южной – глубоким естественным каньоном и оборонительной стеной. Археологическими раскопками 1968-1973 гг. площадь городища размерами 130x60 м исследована полностью. От оборонительной стены в материковом грунте на глубине 0,6-0,75 м от современного уровня сохранились две параллельные канавки шириной 0,35-0,4 м, находившиеся на расстоянии 0,6-1,0 м друг от друга. Между ними над материком лежал слой белой глины. Автор раскопок И.А.Рафалович эти укрепления реконструировал в виде двойной деревянной стены, внутреннее пространство которой было заполнено светлым суглинком. На площади городища раскопано 16 полуземлянок, 3 печи производственного назначения, 81 хозяйственную яму и погребение по обряду кремации пеньковской культуры. Городище было раскопано сплошной площадью, что позволяет судить о его планировке. Жилая часть располагалась с юго-западной, удаленной от склона части укрепленной площади. Там раскопано 10 жилищ-полуземлянок. Восточную часть городища занимали мастерские. Там исследовано 4 производственные полуземлянки, связанные с ювелирным и керамическим производствами, 3 печи и 4 очага производственного назначения. В этих объектах и вблизи от них найдены тигли, льячки, литейные формочки. В одной из полуземлянок обнаружено большое количество сланца, служившего сырьем для

изготовления форм для бронзолитейного дела. На этом участке расчищено 2 помещения и много ям хозяйственного назначения. Пространство, примыкавшее к напольной стороне, занимали плотно расположенные хозяйственные ямы. Значительно меньше их обнаружено в жилищном районе города. То обстоятельство, что часть ям концентрировалась за пределами укреплений, подтверждает мнение И.А.Рафаловича о наличии в древности дополнительных укреплений, уничтоженных земляными работами, которые велись здесь при строительстве моста через р. Ватич (36, с. 122-124; 37, с. 134-144; 38, с. 127-142; 39, с. 125-139).

Городище Зимно на Волини занимает центральную часть удлиненного мыса на левом берегу р. Луги. С трех сторон оно окружено заболоченной поймой, а с напольной, юго-восточной укреплено глубокими перекопами. Мыс неправильных треугольных очертаний, длиной 135 м, шириной до 65 м, склоны высотой 15-16 м. Раскопками В.В.Аулиха 1957-1964 гг. площадь городища исследована почти полностью. Установлено, что с раннесредневековым временем в Зимно связаны деревянные укрепления, прослеживавшиеся в виде обгорелых стоявших вертикально столбов и горизонтальных балок. В.В.Аулих считал, что края крутых склонов были укреплены частоколом и стеной. Найденные на вершине вала высотой 1,5-1,9 м на протяжении 17-20 м две параллельные полосы сгоревшего дерева, находившиеся на расстоянии 0,6-0,8 м, между которыми был темно-коричневый грунт позволили сделать заключение о наличии двух строительных периодов укреплений Зимновского городища (40, с. 15). Однако более вероятно, что это следы оборонительной стены, аналогичной укреплениям из Селишт. Продольные пепелища были остатками деревянных стен-панцирей, а полоса грунта между ними – внутренней забутовкой (41, с. 86). Вдоль юго-западного края городища прослежены остатки длинного сооружения, разделенного на отдельные помещения с очагами. Возможно, что это были жилища. С этой постройкой связаны основные находки раннесредневекового времени. Кроме того, на площади укреплений обнаружены производственные мастерские по ювелирной обработке цветных металлов.

Раннесредневековый слой городища Зимно отличается большим количеством археологических находок. Там найдено около 20 тысяч обломков лепной посуды, много изделий из железа (коса, ножницы, резцы, наконечники копий и стрел и т.д.), цветных и благородных металлов (пряжки, поясные накладки, браслеты, перстни и т.д.).

Городище Колочин на Гомельщине занимало мыс подпрямоугольной формы размерами 36x42 м, который поднимался над поймой на 15-20 м. От Днепра его отделяет широкая заболоченная пойма. У подножья городища протекает ручей. С севера мыс имеет крутые склоны, а с востока он отделен глубокой и широкой ложбиной. Кроме того, городище укреплено двумя линиями валов высотой 1,1 и 3,5 м. Во время раскопок 1955-1960 гг. Э.А.Сымонович по периметру городища проследил остатки деревянного ограждения, примыкавшего к деревянной постройке. Там концентрировались основные находки. Центральная часть укрепления оставалась незастроенной. Возле городища располагалось поселение площадью около 1 га (42, с. 97-137).

Исходя из характера застройки и присутствия производственных комплексов городища Селиште и Зимно можно считать административно-хозяйственными центрами. Находки оружия и наборов от портупей в Зимно указывают на присутствие там дружинников. Другое назначение имело городище Колочин. За его укреплениями в период военной опасности находили защиту жители расположенных рядом поселений. То есть, оно было убежищем, где население постоянно не проживало.

Для характеристики славянского домостроительства добыт большой археологический

материал. Это остатки около 550 домов. На пражско-корчакских поселениях раскопано 350, на пеньковских – 150, на колочинских – 50 жилищ. Основным типом славянского жилища служили четырехугольные полуземлянки, хотя на пеньковских территориях, примыкавших к степи, известны юртообразные овальные сооружения.

Полуземлянки были площадью 10-20 м², с углубленным в грунт на 0,5-1,0 м от современной поверхности основанием. Стены их котлованов вертикальные, земляные полы плоские. Отопительными приспособлениями служили очаги открытого типа в наиболее ранних, а на Днепровском Левобережье и в поздних славянских полуземлянках VI-VII вв. На Правобережье дома отапливались каменными (иногда глинобитными) печами, располагавшимися в одном из углов, преимущественно напротив входа. Внутри построек бывают припечные и хозяйственные ямы. По конструкции стены жилища делятся на срубные и каркасные. В первом случае венцы деревянного сруба укладывались вдоль стен углубленного котлована и наращивались до необходимой высоты. Во втором на полу прослеживаются ямки от вертикальных столбов, располагающиеся по углам и в центре стен (4-10 шт.), преимущественно на некотором расстоянии от них. В местах, где имелись ямки, стояли деревянные вертикальные опоры. В тех случаях, когда они располагались вплоты к углам и стенам котлованов, каркас сооружался из плах, которые заостренными концами устанавливались в продольные пазы вертикальных столбов. Если же ямки были на некотором расстоянии от углов и стен, то продольные бревна укладывались на всю длину между вертикальными опорами и стенками котлована. Наземная часть стен полуземлянок с внешней стороны удерживалась земляной подсыпкой, внешний контур которой вместе с деревянно-земляной крышей двухскатной конструкции образовывали одну плоскость, упирающуюся в поверхность земли. Это предотвращало быстрое смывание земли с наклонного перекрытия. В полуземлянках с другой конструкцией стен двухскатная крыша была соломенной или из тростника. Жилища такой конструкции не имели потолка и отапливались по-черному. Их высота от пола до гребня перекрытия составляла около 3 м.

На некоторых славянских памятниках, особенно расположенных в ареале колочинской культуры, встречаются ямки, располагавшиеся ближе к центру котлована. Иногда их интерпретируют как следы центральной опоры конькового прогона (43, с. 225-226). Расчетами толщины деревянных конструкций деревянно-земляной крыши, которая должна была выдерживать нагрузку около 400 кг на квадратный метр площади, установлено, что минимальная толщина конькового прогона таких полуземлянок должна составлять 20 см, а жердей наклонного основания крыши – 10 см. У соломенной крыши, которая должна выдерживать значительно меньшую нагрузку – 200 кг на м², толщина деревянных конструкций должна иметь соответственно 16 и 13 см (35, с. 24-25). Естественно, что древние строители определяли толщину несущих конструкций исходя из практического опыта. Можно не сомневаться, что все элементы строений были значительно толще минимальных, что обеспечивало жилищу надежный запас прочности. Из приведенного выше следует, что никаких центральных опор гребня крыши славянские жилища не имели. Если их следы где-то и прослеживались, то они являются свидетельством усиления старого, ослабевшего конькового прогона.

Славянские постройки хозяйственного назначения представлены наземными или углубленными строениями четырехугольных очертаний площадью 5-30 м². Большинство из них использовались для хранения припасов. Наземные могли использоваться для содержания животных. Некоторые были мастерскими. Для хранения сельскохозяйствен-

ной продукции служили хозяйственные ямы. Они круглые или овальные в плане, с вертикальными, суженными или расширенными стенками диаметром 0,5-2,0 м и глубиной 0,3-2,0 м от современной поверхности. Чаше помещения хозяйственного назначения и ямы располагались возле жилищ, составляя вместе с ними единый хозяйственный двор индивидуального домохозяйства, который мог включать еще и летние очаги и печи за пределами построек. Такое их расположение на поселениях указывает на процесс выделения из состава родовых общин индивидуальных семей. На смену родовой шла сельская, территориальная община, ставшая значительным шагом на пути социальных сдвигов в восточнославянском обществе.

По сравнению с поселениями, погребальные памятники восточных славян исследованы значительно хуже. Большинство из них располагались на расстоянии 0,5-1,0 км от селищ, занимая возвышенные или низинные участки местности. Вместе с тем, на поселениях из устья Вороной, Селишт, Корчака IX, Тетеревки погребения были совершены на их территории (37, с. 141-143; 34, с. 141-143).

Для древностей пражско-корчакского, пеньковского и колочинского типов типичными были кремации, выполненные на стороне. Остатки сожжений помещались в неглубоких круглых или овальных ямках диаметром 0,4-0,6 м и глубиной 0,4-0,7 м от современного уровня. Встречаются урновые и безурновые погребения. Без внешних признаков на поверхности славянские погребения исследовались на могильниках пражско-корчакской культуры из Сарашовки, Хорска, Хотомкля, Шумска, пеньковской – в Большой Андрусовке и Селиштах; колочинской – в Князьем, Лебязьем, Нижней Тощице, Новом Быхове, Усохе, Смячи и других местах.

Урной служили обычные лепные кухонные горшки. В безурновых могилах кальцинированные человеческие кости концентрировались компактно. Эта деталь, скорее всего, является свидетельством тому, что остатки кремации не просто ссыпались в ямку, а помещались завернутыми в ткань. Можно предполагать, что такие отличия в погребальном обряде связаны с социальными, половыми или религиозными особенностями погребенных.

На большинстве славянских могильников исследовано до 10 погребений, лишь на некоторых раскопано около 50 (Большая Андрусовка) или более 100 (Лебязье). Сопровождающий славянские кремации инвентарь беден. Преимущественно он представлен фрагментами керамики, керамическими пряслами, стеклянными бусинами, иногда изделиями из черных и цветных металлов. Бывают случаи, когда урну перекрывал плоский камень или сковородка (Барешевка, Суемцы), а безурновые погребения перекрывались перевернутыми горшками (Лебязье, Большая Андрусовка, Шумск, Хотомель, Хорск). Уникальное для славян погребение обнаружено на поселении Ханска III. Там на глубине 0,6 м расчищен человеческий череп, возле которого находилось 8 лепных сосудов (36, с. 148-149).

На Воляни получили распространение подкурганые кремации. Иногда они концентрируются компактно, насчитывая от 10 до 50 насыпей диаметром 4,0-1,0 м. Возле с. Мирополь раскопано 30, а возле с. Корчак 8 таких подкурганых погребений. Славянские курганы исследовались вблизи сел Буда, Шеецкая, Могильно, Селец, Семирадцы и в других местах (34, с. 28-30). Остатки сожжений лежали рассеянно на подкурганной площади. Лишь в Мирополе расчищено урновое подкурганное захоронение. Иногда погребения сопровождалась лепными горшками. В редких случаях у основания насыпей прослеживались следы ритуальных кострищ диаметром 0,5-1,5 м и четырехугольные оградки в виде ямок от кольев (Милянковичи, Межиричка, Самурадцы).

Сопровождающий материал большинства восточнославянских могил незначителен. Однако, иногда попадаются и более богатые погребения. На могильнике из Лебяжьего известны кремации рядом с которыми были детали кольчуг, портупейные наборы (серебряные пряжки, псевдопряжки, накладки). На могильнике Княжий в одном из погребений обнаружено два железных наконечника копий (44, с. 140, 146, рис. 2, 1, 2; 5, 10-16). Эти погребения принадлежат к категории дружинных. Не исключено, что дружинной была могила из Большой Андрусовки, в которой найдены звенья от кольчуги (45, с. 67, рис. 44, 16, 17). Такие захоронения являются свидетельством выделения дружинников – профессиональных воинов в восточнославянском обществе третьей четверти I тыс. н.э.

Исходя из присутствия нескольких костяков с металлическими украшениями или керамикой пеньковского типа, высказывались мнения о биритуализме пеньковского погребального обряда (46, с. 97; 47, с. 98; 20, с. 276). Однако, поскольку эти ингумации найдены на пограничье со степью, то их присутствие там следует объяснить проникновением степняков в славянскую этническую среду (48, с. 33).

На славянских памятниках третьей четверти I тыс. н.э. преобладает лепная посуда. Тесто, из которого она изготовлена, с примесью шамота, дресвы и песка. Поверхность изделий бугристая, лишь иногда сглаженная. Для трех ареалов восточнославянских древностей характерны очень близкие керамические формы (рис. 5, 1-14), но их количественное соотношение различно.

Традиционными для пражско-корчакских древностей являются округлобокие горшки более или менее стройных пропорций с максимальным расширением тулова на верхней трети высоты. На памятниках этой культуры они являются ведущей формой и составляют 80-98% от общего количества керамики. Значительно меньше их на пеньковских (5,9-7,5%) и колочинских (4,9%) памятниках. Ведущей формой посуды пеньковской культуры были биконические горшки (29,4-35,8%). На колочинских памятниках их насчитывается 8,5-25,0%, а на пражско-корчакских – лишь 1-3%. Цилиндроконические и тюльпановидные формы горшков являются культуруопределяющими в колочинских древностях, где они составляют соответствующе 12,5-40,4% и 14-43%. На пеньковских памятниках их насчитывается от 2,3 до 10,3%, а на пражско-корчакских – лишь 1,5-2,0%. Другие формы славянской посуды, кроме сковородок, представлены единичными образцами. Общими для этих трех восточнославянских культур являются округлобокие горшки с расширением на середине тулова. На пеньковских памятниках их насчитывается 29,9-46,9%, на пражско-корчакских – 16,8-23,5%, на колочинских – 14,4% (43, с. 232).

Наиболее вероятно, что схожесть керамических наборов восточнославянских культурных ареалов объясняется, в первую очередь, общностью происхождения и тесными контактами населения. Но дальнейшее становление этих культурных общностей происходило самостоятельно. Каждая из трех групп формировала собственную культурную специфику самостоятельно, отдавая предпочтение той или другой форме кухонной посуды.

В наиболее ранних славянских комплексах, датирующихся V в., присутствуют единичные фрагменты гончарной посуды черняховского облика. О том, что тогда в ограниченном количестве гончарную керамику производили славяне, свидетельствует гончарная мастерская, обнаруженная на поселении Глубокая в Прикарпатье (49, с. 86-89). На позднепеньковских памятниках VII в., расположенных в примыкающих к степи районах, встречаются обломки гончарной посуды канцерского и пастырского типов (48, с. 35). На всех восточнославянских территориях есть фрагменты раннесредневековых амфор с рифленой поверхностью тулова.

Среди других категорий находок на восточнославянских памятниках третьей четверти I тыс. н.э. встречаются сельскохозяйственные орудия труда. Это железные наральники из Хотомеля, Городка, Бакоты, Селишт, Любимовской Заборы, Тимченок; серпы из Горошевой, Лесогорки, Луки-Каветчинской, Кочубеевки, Семенок, Зеленянки, Бельска, Колочина; косы-горбуши из Зимно, Устья, Городка и т.д. С переработкой зерна связаны каменные жернова, которые найдены почти на всех славянских поселениях, подвергавшихся раскопкам. Из ремесленных инструментов встречаются зубила, пробойники, наковальни (Лука-Каветчинская, Сушки, Пеньковка (Луг I), Семенки, Ханска II и др.). Обычными находками при раскопках являются бытовые предметы – ножи, шилья, проколки, керамические прясла и т.д.

Металлические ювелирные изделия на основных славянских территориях представлены единичными находками. Это пальчатые фибулы, браслеты, подвески, височные кольца и др., которые происходят из Горошевой, Демянова, Гайворона, Семенок, Селишт, Ханска II, Бельска, Козачьей Локни. Усоха и других мест. Даже на таком большом, полностью раскопанном поселении как Рашков III, где исследовано 91 полуземлянку, изделий из цветных металлов найдено всего полтора десятка (50, с. 21, рис. 12, 1-15). Значительно больше их было на городище Зимно, откуда происходит более 70 таких изделий, которые представлены женскими украшениями, ремесленными инструментами, предметами поясных наборов и конского снаряжения (40, с. 57, 62, 65, 67, табл. XI, 1-33; XII, 1-29; XIII, 1-16, рис. 6, 1, 2).

Значительная их концентрация в Зимно объясняется тем, что это городище было ремесленным и общественным центром. Там обитали привилегированные социальные слои населения, в частности дружинники, для которых, в основном, и производились украшения, портупейные наборы и предметы конского снаряжения. Во всяком случае, нет следов распространения таких находок в регионе и даже на расположенных вблизи от городища поселениях, что неминуемо имело бы место при более масштабном производстве ювелирных изделий в Зимно. Не исключено, что это связано с недолгим функционированием городища, а потому его ремесленники не успели развернуть широкомасштабное производство своей продукции. По неизвестным причинам не смогли наладить масштабное производство ювелирных изделий мастера (или мастера) из Бернашовки на Среднем Днестре, хотя, казалось бы, что для этого имелось достаточно производственных мощностей. Там найдено 64 каменных литейных формочек, служивших для изготовления пальчатых фибул, пряжек, поясных наконечников, лунниц, колокольчиков, нашивок и т.д. (51, с. 53-102).

Мастера же Среднего Поднепровья, не только сумели организовать широкомасштабное ювелирное производство по местным и дунайским образцам, но и создали свой стиль украшений. Это большие пальчатые, зооморфные, антропоморфные, многоглавые ажурные фибулы днепровского типа и некоторые другие женские украшения, которые имели распространение не только в Среднем Поднепровье, но и стали предметами импорта в другие регионы. Основным ремесленным центром там было Пастырское городище. Скорее всего, в Поднепровье были и другие центры по обработке цветных и благородных металлов. Кроме богатых кладов (Мартыновский, Мало-Ржавецкий, Вильховчикский, Воробьевский, Хацковский), на землях между городами Киев и Запорожье наблюдается концентрация ювелирных металлических изделий (48, с. 133, рис. 62).

Поскольку изделия прикладного искусства длительное время могут сохранять стилистическую основу, то это позволяет проследить линию их развития. Это касается генезиса пальчатых днепровских фибул, которые сформировались на основании более ранних дунайских прототипов, которые в свою очередь происходят от небольших застежек с тремя пальцами на

полуовальной головке и ромбической ножкой с маской на конце. Такие фибулы появляются во второй половине V в. (52, S. 95, 102, Obr. 30,2; 36,3). Несколько позже, но также во второй половине V в. возникли пятипальчатые фибулы типа Аквилея (53, S. 97, Obr. 31,2,6), на основании которых в Подунавье были созданы самые разнообразные пальчатые фибулы, получившие распространение в Европе в середине VI - конце VII вв. (54, S. 100). Западноевропейские ученые относят их преимущественно к изделиям готского стиля. Однако, И.Вернер считал их славянскими (55, S. 150-172). К группе славянских фибул относит их У.Фидлер, вычленяя как германские застежки с длинной узкой ножкой (56, S. 93, 96, 97, Abb. 15; 16, 1-5; 17, 1-15). Ювелиры Поднепровья, модифицировав эти дунайские прототипы, сконструировали большие пятипальчатые фибулы, сохранившие в своей основе полуовал верхнего и ромбичность нижнего щитков.

Истоки зооморфных и многоглавых ажурных фибул, как и днепровских пальчатых, А.К.Амброз усматривал в византийском прикладном искусстве (57, с. 179-183). В основе их развития были двущитковые фибулы с треугольной головкой и узкой удлинённой ножкой, получившие распространение в Подунавье во второй половине V в. (52, S. 93), а их гибридные формы бытовали и в следующем столетии (58, S. 101-116). К таким, в частности, принадлежит застежка из Теремцов на Среднем Днестре (59, с. 148, рис. 48). Модификация таких изделий в Среднем Поднепровье имела два направления. В первом – верхний треугольный щиток оснащался двумя, развернутыми в противоположные стороны зооморфными головками, а нижний оформлялся в виде геральдического щитка. Во втором – оба щитка на контуре приобретают зооморфные головки на длинных или коротких шеях. Мы полагаем, что стилизация таких изделий привела к возникновению литых двупластинчатых фибул с почти одинаковыми лопатообразными щитками. На наш взгляд, такие застежки стали исходными для изготовления больших пластинчатых двущитковых фибул типа Песчанки-Салтово.

Многоглавые ажурные фибулы отличаются вычурностью форм. У них преимущественно гладкая поверхность, а декоративный эффект перенесен на контур. Декоративность таким фибулам придают зооморфные элементы на корпусе и головка человека или животного на конце ножки. По нашему мнению, первыми в типологическом ряде их развития нужно ставить застежки, у которых верхний треугольный щиток и ножка оснащены двумя парами наклоненных вниз головок на длинных шеях. Клювами они соединены с корпусом. В процессе их дальнейшего развития головки были подняты и отсоединены от корпуса. Потом две пары верхних и нижних головок соединили длинными узкими перемычками. На поздних многоглавых ажурных фибулах стилизация зооморфных элементов доведена до такого состояния, что их трудно идентифицировать с головками животных или птиц (рис. 6, 1-14).

Местными мастерами были сконструированы двупластинчатые антропоморфные фибулы, которые представлены несколькими более или менее стилизованными разновидностями. Такие застежки за пределами Среднего Поднепровья встречаются очень редко.

В Поднепровье фибулы днепровского типа представлены многочисленными образцами. В Крыму, где, по убеждению А.К.Амброза, существовали к велирные мастерские по их производству, такие застежки встречаются значительно реже. Там они менее разнообразны по формам и орнаментации. На полуострове такие застежки появляются под влиянием среднеднепровского ювелирного искусства уже в готовом виде и не выстраиваются в

* Е.А.Гороховский, посвятивший таким изделиям специальную статью, при датировке фибулы из Теремцов, не найдя ей аналогий, но опираясь на мнение В.Д.Барана, склонен относить ее к слоям конца IV-V вв., отдавая предпочтение при ее хронологическом определении второй половине V в. По его мнению, производными от однотипных фибул являются пятипальчатые фибулы, получившие распространение в Европе в VII в. (60, с. 68-71).

эволюционные ряды (61, с. 10-23). Они появляются вдруг и вдруг исчезают, не став составной частью крымского ювелирного искусства того времени.

Отсутствующие в Крыму литые звездчатые подвески и кованые с полыми расширенными концами браслеты берут свои истоки в византийском ювелирном искусстве. Звездчатые подвески, изготовленные из спаянных между собой отдельных деталей, появляются в VI в. на территории Сицилии. На их основе в VII в. в Подунавье возникают литейной работы украшения со звездчатым отростком (62, с. 68). В последней четверти VII - середине VIII вв. такие литые по восковой модели подвески имели распространение в Среднем Поднепровье, особенно на Пастырском городище, где они были модифицированы. В частности, нижняя часть дужки у них стала значительно уже по сравнению с дунайскими прототипами. То есть, среднеднепровские мастера при изготовлении украшений не только применяли сложные византийские технологии и копировали придунайские украшения, но и творчески развивали их, делая более разнообразным их стиль. на примере металлических украшений из Среднего Поднепровья хорошо прослеживается известная тенденция, заключающаяся в том, что попав в варварскую среду и потеряв связь с римско-византийскими центрами, металлообработка-важущее искусство быстро деградирует. Упрощается технология и декор украшений, появляются производные формы изделий.

А.К.Амброз и А.И.Айбабин, которые наиболее основательно подошли к вопросу хронологии восточноевропейских древностей начальной стадии средневековья, пальчатые зооморфные и многоглавые ажурные фибулы, как и сопровождающие их другие металлические ювелирные изделия, датируют второй четвертью или серединой и последней четвертью и концом VII в. (63, с. 11; 64, с. 64). Некоторые из таких фибул имеются в лесостепных кладах мартыновского типа и на позднепеньковских памятниках, датирующихся второй половиной VII в. (48, с. 46-57). Там отсутствуют антропоморфные фибулы, но они есть в более поздних днепровских кладах первой половины VIII в. из Самгородка, Зайцева, Харивки, где они сочетаются с литыми и паянно-штампованными подвесками, браслетами с расширенными полыми концами и др. (65, с. 204, рис. 13). Несколько литых антропоморфных фибул найдено на славянском поселении Ханска II в Молдове (66, табл. 115,5), а в состав Ивахниковского клада VIII - начала IX вв. входила кованая антропоморфная застежка (67, табл. II,8). Очень стилизованными являются кованые пластинчатые фибулы из Салтова и Песчанки (57, с. 182, рис. 3,37).

В Среднем Поднепровье прослеживается два хронологических этапа таких находок. Комплексы первого из них представлены пальчатыми зооморфными и многоглавыми ажурными фибулами, а второго – антропоморфными застежками, полыми подвесками, браслетами с расширенными полыми концами и др. Однако, непреодолимой хронологической преграды между этими двумя комплексами не существовало, что уже отмечали исследователи (65, с. 162-164). В частности, типичные для второго хронологического этапа литые и штампованно-паянные подвески пастырского типа имелись в позднепеньковских объектах второй половины VII в. из Семенов, Гайворона и Задонецкого (48, с. 134, 139, рис. 63,8; 70,5,610). С другой стороны, характерную для первой группы древностей многоглавую ажурную фибулу обнаружено в катакомбе №2 на Старосалтовском могильнике, которая датируется серединой VIII в. (68, с. 89, рис. 1). Многоглавая ажурная фибула была среди пеньковских материалов могильника из Большой Андрусовки в Потясминье (48, с. 135, рис. 65,2). Обломок пальчатой фибулы найден в погребении VIII в. на Скалистинском могильнике в Крыму (69, с. 51, рис. 31,28). В состав Мартыновского, Козиевского и Трубчевского кладов первой хронологической группы входили

зооантропоморфные застежки, служившие исходной формой многоглавых ажурных фибул, получивших широкое распространение в Поднепровье в последующее время (70, с. 598, 638, табл. 8, 1, 2; 48, 5, 6). Более того, судя по материалам А.С. Федоровского, хранящихся в Научном архиве Института археологии НАН Украины (Ф.7, №1-3, табл. 17), в состав Зайцевского клада входили кованная пластинчатая антропоморфная и литейной работы пальчатая фибулы. Исходя из приведенных фактов, можно утверждать, что на определенном отрезке времени пальчатые зооморфные многоглавые ажурные фибулы производились и были в употреблении вместе с антропоморфными застежками и другими украшениями второй хронологической группы. Все это и присутствие сильно потертых пальчатых фибул в заполнении объектов Пастырского городища свидетельствует о том, что они доживают до времени гибели городища. Там они были в употреблении не только в последней четверти VII в., но и в первой половине VIII в. Наиболее вероятно, что на рубеже VII-VIII вв. появляются литые и кованные антропоморфные фибулы. Однако, первые и вторые не встречаются вместе в составе пастырских кладов. Такое положение можно объяснить тем, что первые изготавливались преимущественно из бронзы и были массовой, относительно дешевой продукцией, а вторые, концентрирующиеся в клады – из серебра, они производились по индивидуальному заказу зажиточной части славянского общества.

Большая часть археологических материалов Пастырского городища связывается с Балканским полуостровом и Подунавьем. В них нельзя усматривать опосредственные заимствования. Не только концентрация производства, но и высокий профессиональный уровень ремесленников Пастырского городища указывают, что профессиональное мастерство они принесли туда, переселившись из Подунавья (71, с. 64-79). По археологическим материалам, поддающимся узкому датированию, время существования Пастырского ремесленного центра можно определять между последней четвертью VII - серединой VIII вв. Непродолжительность жизни на нем подтверждается тем, что на сравнительно небольшой левобережной части городища, где раскопано около 50 полуземлянок, случаев перекрытия их одна другой нет. Поскольку городище погибло в одночасье, то весь раннесредневековый комплекс Пастырского можно считать закрытым. Все постройки и найденные там вещи характеризуют реалии заключительного этапа существования городища (48, с. 4-24).

Характерно, что на Пастырском городище, несмотря на его близкое расположение со степью, отсутствуют типичные только для кочевников металлические украшения. Если же иногда там и попадаются одинаковые изделия, то они не были присущи исключительно степнякам, а распространялись на всем Евразийском континенте у многих племен и народов. В декоративно-прикладном искусстве Пастырского почти отсутствуют черты, присущие раннесредневековому населению северо-европейских регионов. Даже две шейные гривны, изготовленные из круглого серебряного дрота, которые берут свои истоки в Прибалтике, на городище использовались не по прямому назначению, а были переделаны в наручные браслеты. Вместе с тем, на других славянских памятниках третьей четверти I тыс. н.э., в том числе и в лесостепных кладах, украшения истоки которых прослеживаются в Прибалтике, являются обычными находками (шейные проволочные гривны, цельные браслеты с расширенными концами, трапециевидные подвески и т.д.).

Географическое расположение Юго-Восточной Европы способствовало тому, что ее обитатели издревле вступали в тесные взаимоотношения (и не всегда добровольные) с соседними пришлыми и автохтонными народами. В частности, судьбы славян в значительной

степени зависели от степняков и той этнополитической ситуации, которая складывалась в Приазовско-Причерноморских степях и Подунавье. Интенсивность взаимосвязей славян с кочевниками возросла в эпоху великого переселения народов. С приходом в Европу гуннов коренным образом изменилась этнополитическая ситуация. В частности, в степях произошла замена ираноязычного кочевого населения на тюркоязычное. Придя в степи Северного Причерноморья в конце IV в., они в ожесточенной борьбе победили готов и, преследуя их, достигли Дуная, а в начале V в. осели в Паннонии. С приходом гуннов распалась черняховская общность. С территории Юго-Восточной Европы были вытеснены чуждые готские (вельбарские) компоненты. На их место пришли славяне, непрерывное развитие которых уже никогда не прекращалось, что хорошо прослеживается на археологических материалах Среднего и Верхнего Приднестровья, Среднего Поднепровья и Южного Побужья. По-видимому, благодаря протекторату гуннов анты сумели быстро на протяжении V в. освоить освобожденные от готов и фракийцев территории пограничья лесостепи и степи, расположенные к западу от Днепра. Свидетельством этому являются антско-пеньковские древности, становление которых происходило на территории Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья в первой половине I тыс. н.э. Оттуда они распространились вплоть до Нижнего Подунавья.

Когда же в восточноевропейских степях в середине VI в. появились грозные авары, они существенно уже не могли повлиять на судьбу восточных славян, которые сумели защитить свою независимость, не попав в кабалу новых завоевателей. Хотя в степях Северного Причерноморья авары задержались недолго. В 567 г. они продвинулись в Паннонию, где был создан Аварский каганат.

Важные страницы восточнославянской истории связаны с болгаро-хазарскими противостояниями в борьбе за первенство в Евразийских степях и их влиянием на земледельческое население. К началу VII в. болгары Приазовья и хазары Прикаспия входили в состав Западнотюркского каганата, процесс распада которого происходил между 630-657 гг. Приазовские болгары освободились от тюркского господства около 631 г. Объединив их, Куврат создал Великую Болгарию, которая заняла одно из ведущих положений в Восточноевропейских степях.

Сообщения о локализации Великой Болгарии имеются в некоторых письменных источниках. Так, в "Хронографии" Феофана отмечается, что "в [землях], прилегающих к восточным частям озера (Меотийского - *О.П.*), у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис (Кубань - *О.П.*), гдк ловится булгарская рыба ксисстон, простирается древняя Великая Болгария и живут соплеменные болгарам котраги" (26, с. 60). Такое же расположение Болгарской конфедерации около Меотийского озера и р. Куфис находим в "Бревиарии" Никифора: "У Меотийского озера и реки Кофис располагается называвшаяся в древности Великая Болгария и так называемые котраги, их соплеменники" (26, с. 161-162).

Исходя из приведенных текстов, часть исследователей размещает конфедерацию Куврата в Восточном Приазовье (К.Патканов, И.Маркварт, Д.Мавродин, И.С.Чичуров и др.), другие же, которые рассматривают Приазовье как центр болгарской конфедерации, склонны расширять ее территорию до Прикубанья на востоке и до Днепра на западе (В.Златарский, М.Мерперт, А.Смирнов, Д.Ангелов и др.). Дальше всех в расширении протоболгарской территории на запад пошел М.И.Артамонов, расширив ареал кутригуров вплоть до Северного Причерноморья. Для этого был использован текст, имеющийся в "Новом списке армянской географии" VII в., в котором при описании Азиатской Сарматии говорится, что "В Сарматии

лежат горы Кераунские и Гиппийские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Меотийское море. Из Кавказа текут две реки: Валданис (возможно Кубань - *О.Л.*), текущая с горы Кракс, которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Меотидой и Понтом (Черное море - *О.Л.*). Другая река Псевхрос - рукав Кубани - отделяет Боспор от тех мест, где находится город Никопс. К северу от них живут народы тюрков и болгар, которые именуются по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булгар, Огхон-дор-Блкар - пришельцы, Чдар-Болкар. Эти названия чужды Птолемею" (72, с. 28). В этом географическом экскурсе хорошо определяются река Кубань, Азовское и Черное моря. Другие же реки, названия которых были "чужды Птолемею", твердо не идентифицируются с современными реками. М.И. Артамонов рассмотрел малоубедительные догадки своих предшественников относительно отождествления Купи с Куфисом (П.Патканов); Дучи с Кучи (И.Маркварт), которая как будто является названием р. Кочо и согласно той же "Армянской географии" расположена в Европейской Сарматии и впадает в Черное море (Ф.Вестберг); Кочо-Кучи название, которое соответствует Днепру, а потому Дучи-Булкар означает кутригуры (Ф.Вестберг). М.И. Артамонов, идя дальше, утверждал, что название Кочо принадлежит не одной реке, а лиману, в который впадает несколько рек. "Это не что иное, подитоживает он, - как Днепровский лиман, в который впадает не только Днепр с Ингульцом, но и Буг с Ингулом" (73, с. 168).

Совершенно очевидно, что все эти аргументы являются произвольными. Они были призваны расширить пределы расселения кутригур, а вместе с тем и Великой Болгарии на запад, в степи Северного Причерноморья. Если же непредвзято отнестись к цитированному тексту "Армянской географии", то легко можно установить, что все эти реки могли располагаться правее от Кубани и протекают по восточному побережью Азовского моря.

Протоболгарская конфедерация Куврата находилась на таком уровне социального развития, когда взрослое мужское население было воинами, а основная часть населения – кочевыми скотоводами. Болгары обитали в сезонных стойбищах в передвижных легких юртах, поэтому в местах их расположения отсутствуют культурные напластования. Лишь изредка на территории временных стойбищ встречаются отдельные лепные черепки и обломки гончарных амфор VI-VII вв. (74, с. 15). Однако в Крыму возле с. Донецкое были прослежены остатки 12 легких наземных брт (75, с. 35). В Приазовье, Приднепровье и Крыму известно около 50 единичных впускных погребений воинов-кочевников VII в. Это захоронения из Родионовки, Великого Токмака, Аккермани, Александровки, Христофоровки, Сивашовки, Наташино и др. В степной части Днепровского Левобережья известны и богатые местонахождения (погребения) с больши количеством золотых и серебряных вещей, служившими погребальным инвентарем представителей верховной власти. Они обнаружены в Малой Перещепине, Келегеях, Новых Сенжарах, Макуховке, Ясиново, Суханово, Сары-Булате). О том, что они, наиболее вероятно, принадлежали протоболгарской знати, свидетельствует то, что в Перещепино был похоронен сам хан Великой Болгарии Куврат (76). На основании этих материалов степную часть Днепровского Левобережья можно включать в ареал болгарской конфедерации.

Исходя из уровня развития кочевого хозяйства, биологически необходимой продукции для населения и кормовой базы для животноводства, А.А. Тортика пришел к заключению, что Болгарская конфедерация Куврата насчитывала от 140 до 200 тыс. человек, из которых 25-40 тыс. принадлежали к воинам-всадникам, составлявшим силу, защищавшую объединение от внешней опасности и совершавшей походы против соседних народов (77, с. 6-8).

Непосредственное соседство воинственных кочевников и земледельцев делало практически

невозможным для славян сохранение свое независимости. Надо полагать, что их взаимоотношения мало чем отличались от классической схемы того времени. Степняки стремились к постоянному взиманию со славян дани в виде сельскохозяйственной продукции. Славяне могли быть конфедератами Великой Болгарии, принимая участие в их военных походах против соседних народов, в первую очередь, обитавших в Подунавье и на Балканах. Не исключено, что в процессе этого сформировались славянские военные подразделения и антская военная верхушка, археологическими следами которой являются Днепровские клады мартыновского типа. Они содержат серебряные детали портупей по технологии изготовления (литые) и художественному стилю близкие к металлическим аксессуарам поясных наборов, имеющих в кочевнических погребениях типа Сивашовки.

Сразу же после прихода болгарских орд Аспаруха на Балканы, там появляются большие биритуальные могильники, свидетельствующие об этнической неоднородности оставившего их населения, входившего в состав Дунайской Болгарии (78, с. 173-265), заметная роль среди которого принадлежала пришедшему с болгарами славянскому этническому компоненту, трансформировавшему некогда ярко выраженную культуру кочевников в культуру оседлого населения, кроме всего прочего оставившего после себя славянскую топонимию, славянские названия первых столиц Первого Болгарского царства (Плиска, Преслав) (79, с. 253).

Взаимосвязи кочевников с оседлыми славянами начальной стадии средневековья фиксируются на археологических материалах Юго-Восточной Европы, на пеньковских памятниках, расположенных на границе со степью, известны юртообразные постройки (рис. 7, 1). Они обнаружены на поселениях у с. Осиповки, Чернеччины, Богатого, Стецовки (48, с. 89, 125, рис. 17, 1, 2; 54, 1). Характерным признаком таких жилищ были углубленные в грунт основания. Они круглые или овальные в плане с большим диаметром 4-7,2 м и глубиной 0,25-1,0 м от современного уровня. Иногда по периметру построек прослеживались ямки от кольев (Чернеччина, Богатое) и очаги открытого типа (Чернеччина). Такие постройки были жилищами уже осевшего, некогда кочевого населения. С юртами их роднит овальная в плане форма и присутствие очагов (74, с. 57). Черты домостроительства степняков присущи и некоторым четырехугольным полуземлянками из Чернеччины, Богатого и Будищ (рис. 7, 2, 3). К ним относятся расположение очагов в центре полов и окружающие их ямки от кольев и др. (68, с. 95). Остатки трех построек четырехугольной формы площадью от 4,0х3,4 до 10,5х7,0 м раскопаны возле сс. Майорки и Игрени в Днепровском Надпорожье (48, с. 27). Это были жилища, традиция сооружения которых восприняли осевшие на землю кочевники у строителей Приазовья и Северного Причерноморья. Особо широко они распространились у населения салтово-маяцкой культуры (74, с. 63).

Для славян второй половины I тыс. н.э. основным обрядом захоронений были урновые или безурновые кремации в неглубоких ямках. Однако, вследствие взаимодействия славян со степняками, на пограничье со степью появились отдельные погребения с элементами погребального обряда и инвентарем, типичными для оседлого и кочевого населения. Возле с. Алексеевки в Днепровском Надпорожье, сс. Данчены и Селиште в Прутско-Днестровском междуречье обнаружены такие захоронения. Это были ингумации, широко распространенные среди кочевников, но сопровождающий их инвентарь был типичным для славян – бронзовые пальчатые фибулы, спиралевидные подвески, лепная славянская посуда (48, с. 30). Очень интересное женское погребение по обряду ингумации происходит из с. Мохнач в поречье Северского Донца (рис. 8, 1, 2). Оно было разрушено земляными работами, но несмотря на это установлено, что скелет лежал на спине головой на юго-запад в вытянутом положении на дне

ямы с подбоем глубиной 2,7 м от современной поверхности. Подбой был закрыт деревом, которое отделяло его от входной ямы. Могила из Мохнача была сармато-аланской, но умершую сопровождал типичный славянский (антский) материал. В погребении найдено: 2 пальчатые и 1 широкопластинчатая фибулы, несколько проволочных шейных гривн, массивные браслеты с расширенными концами, трапециевидные подвески, лепной биконический горшок и многое другое (80, с. 206-207).

Для лепной пеньковской керамики из пограничных со степью районов присущи органические примеси в глиняном тесте, что было типичным признаком для кочевнической посуды. Некоторая часть таких изделий (до 15%) оснащена насечками и пальцевыми вмятинами по краю венчиков. Все это является существенным признаком влияния кочевников на славянское гончарное производство. Показательно в этом отношении и то, что в юрте из Осиповки были фрагменты внутренних ушек от глиняных котлов, а в постройках из Стецовки и Будиц – фрагменты гончарных кувшинов канцерского типа. На пеньковском поселении Осиповка найдено костяное приспособление для подвешивания лука и колчана.

Таким образом, славяне, занимавшие обширную территорию восточно-европейской лесостепи на пограничье со степью имели взаимоотношения с соседними кочевниками, которые даже внедрялись в славянскую среду. Вероятно, это происходило вследствие миграций сравнительно небольших групп кочевников и отдельных семей, осевших на землю. Такие переселения совершались в конкретных зонах между этнокультурными массивами. Подчеркнем, что черты культуры кочевников больше присущи славянским древностям, расположенным вблизи со степью, освоенной в третьей четверти I тыс. н.э. тюркоязычными народами. В глубинных районах славянской ойкумены черты культуры степняков менее ощутимы.

Надо полагать, что взаимоотношения между двумя этническими ареалами стали интенсивнее с образованием в Приазовье болгарской конфедерации Куврата, хотя иногда и высказывается мнение, что она не была очень сильным политическим объединением, не имевшим большого влияния на сопредельные народы. Исторические реалии были другими. Великая Болгария представляла собой сильное и влиятельное военно-политическое объединение, с которым считался сам Константинополь. Даже ослабленные и разрозненные Хазарией болгары сумели создать в Подунавье и Поволжье феодальные государства, условия для формирования которых, по-видимому, формировались еще в недрах конфедерации Куврата.

Здесь уместно обратить внимание на то обстоятельство, что во второй половине I тыс. н.э. на пограничье восточноевропейской лесостепи и степи известно мало городищ, что на первый взгляд выглядит странно, ведь именно со стороны степи должна была исходить основная опасность для славян. Степь была тем пространством, где свободно цвели себя воинственные кочевники, которые не упускали возможности поживиться за счет грабежей земледельцев. Известно, что на рубеже и в первые века н.э. в Поднепровье было около трех десятков зарубинецких городищ и очень мало незащищенных поселений открытого типа. Установлено, что население Среднего Поднепровья было вынуждено оставлять насиженные места, переселяясь в регионы, удаленные от степи. Причиной этому были сарматы, которые продвигаясь на славянские территории искореняли земледельческое население, особенно не заботясь об его последующей судьбе. В середине и второй половине I тыс. н.э. прослеживается концентрация укрепленных городищ сначала (VI-VII вв.) в ареале памятников типа Тушемля-Колочин, а позже (VIII-IX вв.) - в Украинском Предкарпатье. Сооружение этих фортификаций, несомненно, было вызвано объективными причинами, но

это не могла быть опасность со стороны степняков. Южный ареал славянского расселения оставался практически незащищенным, во всяком случае городищами. По нашему мнению, объяснение этому кроется во взаимоотношениях, сложившихся между славянами и степняками в те времена. Изменился менталитет кочевников, которые стремились уже не к грабежам, а к изыманию постоянных умеренных контрибуций и дани со славян, при необходимости оказывая последним даже военную помощь, что произошло в случае готско-антских войн времен Божа, когда на стороне славян выступили гунны. Мы не исключаем, что анты были федератами Великой Болгарии, в значительной степени разделив их судьбу в противостояниях с хазарами. Очень вероятно, что поражение антов в борьбе с хазарами фиксируется по материалам лесостепных кладов конца VII в., концентрирующихся на территории Среднего Поднепровья и Левобережье Днепра. По материалам самых богатых кладов (Мартыновский, Мало-Ржавецкий, Хацковский и др.) и концентрации изделий характерных для "древностей антов" на Правобережье Среднего Поднепровья хорошо выделяется центр антского политического объединения.

Под давлением хазар антский политический союз распался на несколько самостоятельных "княжеств" – полян, древлян, уличей, серерян и др. Впоследствии их внимание было приковано к арабам, которые в начале VIII в. окончательно закрепились на Кавказе, приложили много усилий для покорения Хазарии. Однако в жестокой борьбе с арабами Хазария выстояла. Получившие вследствие этого передышку славяне сумели укрепиться настолько, что никакие последующие потрясения не смогли помешать их продвижению к созданию своей государственности. Основы будущего величия восточных славян были заложены в недрах антского военно-политического союза, без которого было бы невозможным становление Руси, занявшей одно из ведущих положений в истории раннесредневековой Европы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спицын А.А. Древности антов // Сб. отд-я рус. языка и словесности. М., 1928.
2. Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. №17.
3. Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.
4. Дьяконов А.П. Известия Псевдо-Захария о древних славянах // ВДИ. 1939. №4.
5. Прицак О. Походження Русі // Хроніка 2000. Київ, 1992. Вип.1.
6. Kovrig J. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyan. Budapest, 1963.
7. Laszlo G. Steppenvölker und Germanen. Berlin, 1971.
8. Прицак О. Походження Русі. Київ, 1997. Т.1.
9. Брайчевський М.Ю. Антський період в історії східних слов'ян // Археологія. 1952. Т.VII.
10. Брайчевський М.Ю. Об "антах" Псевдо-Маврикия // СЭ. 1953. №2.
11. Брайчевський М.Ю. Про етнічну приналежність черняхівської культури // Археологія. 1957. Т.X.
12. Брайчевський М.Ю. Походження Русі. Київ, 1968.
13. Брайчевський М.Ю. Антська проблема в контексті візантійської історії // Археологія. 1991. №2.
14. Брайчевський М.Ю. Вступ до історичної науки. Київ, 1995.
15. Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья // СА. 1961. №3.
16. Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // МИА. 1963. №108.
17. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
18. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
19. Приходнюк О.М. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.
20. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.
21. Терпиловський Р.В. Населення лісової зони Подніпров'я I тис. н.е. – балти чи слов'яни? // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ, 1999.
22. Баран В.Д. Давні слов'яни. Київ, 1998.
23. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

24. Скржинская Е.С. О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне // ВВ. 1957. Т.12.
25. Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. / ВДИ. 1941. №1.
26. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
27. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
28. Ключевский В.С. Курс русской истории. М., 1987. Т.1.
29. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч.1.
30. Vaczy P. Der frankische Krieg und das Volk der Awaren // Acta Antiqua Akademiarum Scintiarum Hungaricae. 1972.
31. Николаенко А.Г. Лесостепное Приосколье в I тыс. н.э. (материалы к археологической карте) // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988.
32. Teodor D.G. Teritorial est-carpatic in veacurile V-XI e.n. - Jasi, 1978.
33. Приходнюк О.М. К вопросу о присутствии антов в Карпато-Дунайских землях // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.
34. Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып.Е1-25.
35. Приходнюк О.М. Слов'яни на Поділлі (VI-VII ст. н.е.). Київ, 1975.
36. Рафалович И.А. Славяне VI-IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972.
37. Рафалович И.А. Исследование раннеславянских поселений в Молдавии // АИМ 1970-1972. Кишинев, 1973.
38. Рафалович И.А., Лапушнян В.Л. Работы Реутской археологической экспедиции // АИМ 1972. Кишинев, 1974.
39. Рафалович И.А., Лапушнян В.Л. Могильник и раннеславянское городище у с. Селиште // АИМ 1973. Кишинев, 1974.
40. Ауліх В.В. Зимнівське городище. Київ, 1972.
41. Приходнюк Ю.О. Східнослов'янські городища Дніпровського Правобережжя третьої чверті I тис. н.е. // Матеріали наукової конференції Музею історичних коштовностей України. Київ, 1998.
42. Симонович Э.А. Городище Колочин I на Гомельщине // МИА. 1963. №108.
43. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.
44. Липкинг Ю.А. Могильники третьей четверти I тыс. н.э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.
45. Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI-IX ст. н.е. Київ, 1980.
46. Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). Київ, 1975.
47. Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. М., 1976.
48. Приходнюк О.М. Пеньковская культура. Воронеж, 1998.
49. Вакуленко Л.В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тис. н.е. Київ, 1977.
50. Баран В.Д. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с.Рашков). Киев, 1988.
51. Винокур И.С. Слов'янські ювеліри Подністров'я (за матеріалами досліджень Бернашівського комплексу середини I тис. н.е.). Кам'янець-Подільський, 1997.
52. Tejral J. Morava na sklonku antiku. Praha, 1982.
53. Bona I. Die Langobarden in Ungarn // Acta Archaeologica Hungaricae. 1956.
54. Kühn H. Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz // Akademische Drüchck. - u. Verlagsanstalt. Graz-Austria, 1965. I.
55. Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz, 1950.
56. Fidler U. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn, 1992. Teil I.
57. Амброз А.К. К происхождению днепровских антропологоморфных фибул // РА. 1993. №1.
58. Vinski Z. Betrachtunden zur Kontinuitatsfrage des autoghtonen romanisierten Ethnikos im 6. und 7. Jahrhundert // Problemi della civiltà e dell' economia langobarda. Milano, 1964. XII.
59. Баран В.Д. Черняхівська культура. Київ, 1981.
60. Гороховський Є.Л. Дві архаїчні пальчасті фібули з Середньої Наддніпрянщини // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ, 1999.
61. Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI-VIII вв.) // КСИА. 1968. Вып.113.
62. Айбабин А.И. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. 1973. №3.
63. Амброз А.К. Основы периодизации южнорусских могильников типа Суук-Су // Древности славян

- и Руси. М., 1988.
64. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
 65. Щеглова О.А. О двух группах "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
 66. Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971.
 67. Макаренко Н. Материалы по археологии Полтавской губернии // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. Полтава, 1908. Вып. V.
 68. Любичев М.В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII - начале VIII вв. // Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1994.
 69. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
 70. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга "древностей антов" в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
 71. Приходнюк О.М. Археологические данные о связях славян и степного населения в VII-VIII вв. / МАИЭТ. 1996. Вып. V.
 72. Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Март.
 73. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
 74. Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. №142.
 75. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
 76. Werner J. Der Grabfund von Malaja Perescapina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München, 1984.
 77. Тортика О.О. Исторична географія та населення Великої Болгарії (630-660 рр. н.е.) (методика дослідження кочових суспільств середньовіччя) / Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1999.
 78. Въжарова Ж. Славяни и прабългари (по даням на некрополите от VI-IX в. на територията на България). София, 1976.
 79. Рашев Р. К вопросу о происхождении протоболгар // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
 80. Аксьонов В., Бабенко Л. До вивчення етнокультурних зв'язків населення Дніпро-Донецького межиріччя у V-VII ст. н.е. // Наукові матеріали V Міжнародної археологічної конференції студентів та молодих вчених. Київ, 1997.

PRIKHODNIUK O. M.

MILITARY – POLITICAL ALLIANCE OF THE ANTAE AND TURKS

(On historic and archaeological sources)

Summary

The analysis of written and archaeological sources enabled the author to come to the conclusion, that all the eastern European Slavonic people of the initial stage of the Middle Ages were the members of the Antae military-political Alliance. Penkovo, Kolochin and Prague-Korchak cultures archaeologically represent these peoples. The centre of this union was in the middle reaches of the Dnieper region, where the concentration of the riches hidden treasures of Martyn type and the things of "antiquities of the Antae". The Antae were in close interrelations with the Turk-speaking nomads, that is proved by the archaeological materials of the boarding parts of forest-steppe and steppe zones

There are some reason to think that the Antae were the allies of the Huns and Great Bulgaria. The crushing defeat of Great Bulgaria by the Khazars and the decline of archaeological cultures of the Eastern Slavs in the third-quarter of the first millennium AD are historically and archaeologically synchronizes. Most probably it was connected with the Khazars' expansion against the Slavs – confederates of Bulgarian union of Kuvrat

Historically it developed so that it was the Antae period that played a decisive role in the formation of the Eastern Slavs. The foundations of Rus – the first feudal eastern-Slavonic state were laid.

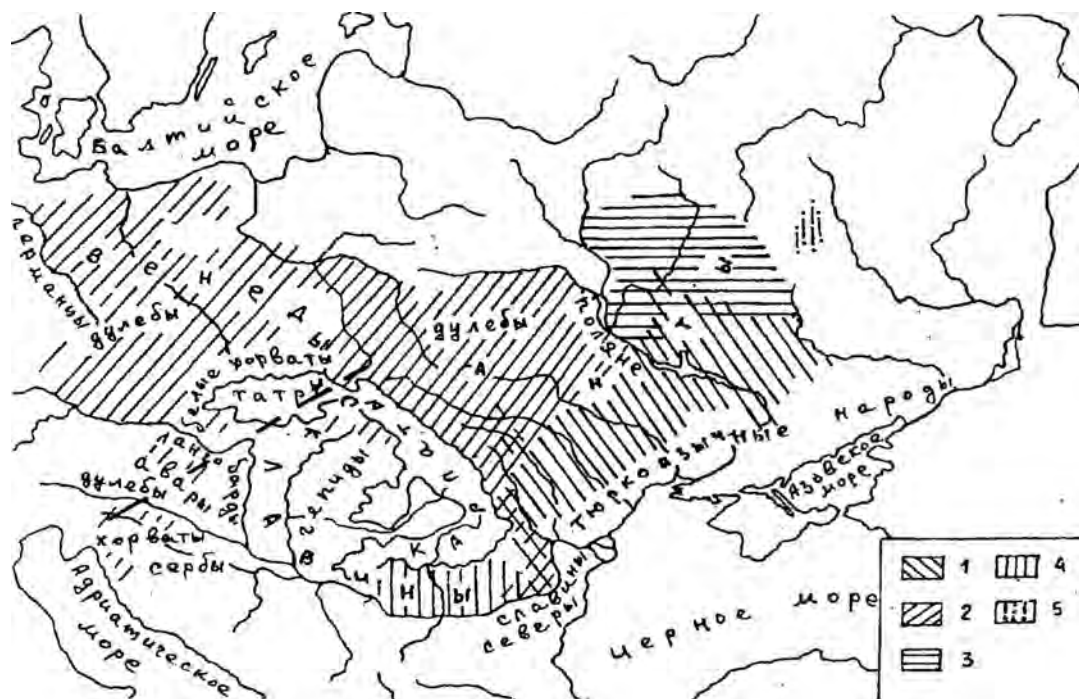

Рис. 1. Схема соотношения ареалов славянских археологических культур с историческими народами в третьей четверти I тыс. н.э.

1 - пеньковская культура, 2 - пражская культура, 3 - колочинская культура, 4 - культура Ипотешт-Кындешт, 5 - славянские древности VI-VII вв. Пунктирной линией ограничена западная часть склавинской территории.

Рис. 2. Распространение различных групп памятников третьей четверти I тыс. н.э. в лесостепной и степной зонах Приднепровья и примыкающих к ним территориях.

I - поселения пеньковской культуры, II - поселения колочинской культуры, III - лесостепные клады мартыновского типа, IV - городища, V - погребения (ингумации) кочевников, VI - погребения (ингумации) кочевнической знати, VII - торжские поминальные комплексы, VIII - аланское гончарные центры, IX - временные стоянки кочевников, X - пеньковские поселения с чертами домостроительства кочевников, XI - ингумации с "антскими" наборами, XII - сожжения с чертами культуры кочевников и славян. Пунктирной линией обозначена граница между лесостепью и степью.

1 - Скельки, 2 - Звонецкое, 3-5 - Пеньковка (урочище Молочарня, Луг I, Луг II), 6 - Хрещатик, 7 - Гута Михайловская, 8, 38 - Вильховчик, 9, 40 - Малый Ржавец, 10 - Сушки, 11 - Цыбли, 12 - Домантово, 13 - Григоровка, 14 - Прогресс, 15, 60 - Полузорье, 16 - Хитцы, 17 - Засулье, 18 - Хлопков, 19 - Корнеевка, 20 - Богородичное, 21 - Студенок, 22 - Сухая Гомольща, 23 - Заньки, 24 - Задонецкое, 25 - Таранцево, 26 - Сенча, 27 - Раковая Сечь, 28 - Большие Будки, 29 - Груновка, 30 - Курган Азак, 31 - Ровчак, 32 - Заярье, 33 - Стрелица, 34 - Короп, 35 - Левкин Бугор, 36, 43 - Трубчевск, 37 - Хацки, 39 - Мартыновка, 41 - Воробьевка, 42 - Мена, 44 - Козиевка, 45 - Новая Одесса I, 46 - Смородино, 47 - Сырватинец, 48 - Гапоново, 49 - Суджа, 50 - Углы, 51 - Цыпляево, 52 - Колосково, 53 - Пастырское, 54 - Гладосы, 55 - Вознесенка, 56 - Канцерка, 57 - Мачуха, 58 - Донское, 59 - Белокопи, 61 - Лаврики, 62 - Майорка, 63 - Игрень, 64 - Будище, 65 - Стецовка, 66, 84 - Иосиповка, 67 - Богатое, 68 - Чернечина, 69 - Ковалевка, 70 - Новая Одесса II, 71 - Христофоровка, 72 - Белозерка, 73 - Костогрызово, 74 - Сивашское, 75 - Сивашовка, 76 - Терновка, 77 - Виноградное, 78 - Родионовка, 79 - Малая Терновка, 80 - Аккермань, 81 - Большой Токмак, 82 - Октябрьское I, 83 - Александровка, 84-5 - Рябовка, 86 - Мамай, 87 - Портовое, 88 - Октябрьское II, 89 - Рисовое, 90 - Григорьевка, 91 - Богачевка, 92 - Изобильное, 93 - Айвазовское, 94 - Наташино, 95 - Сары-Булат, 96 - Келегеи, 97 - Суханово, 98 - Ясиново, 99 - Новые Сенжары, 100 - Малая Перещелина, 101 - Макуховка, 102 - Алексеевка, 103 - Мохнач, 104 - Дмитриевка.

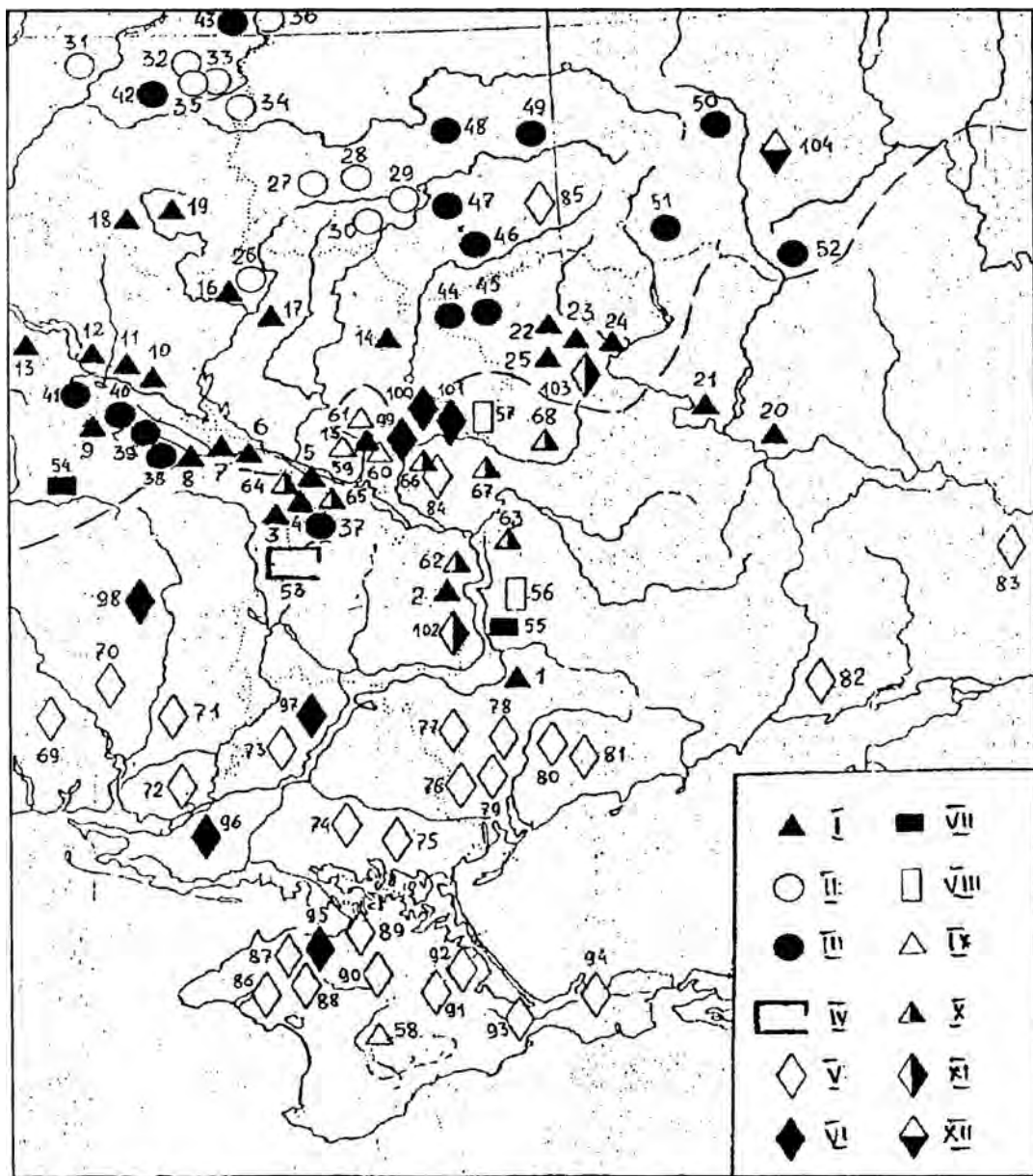

Рис. 2

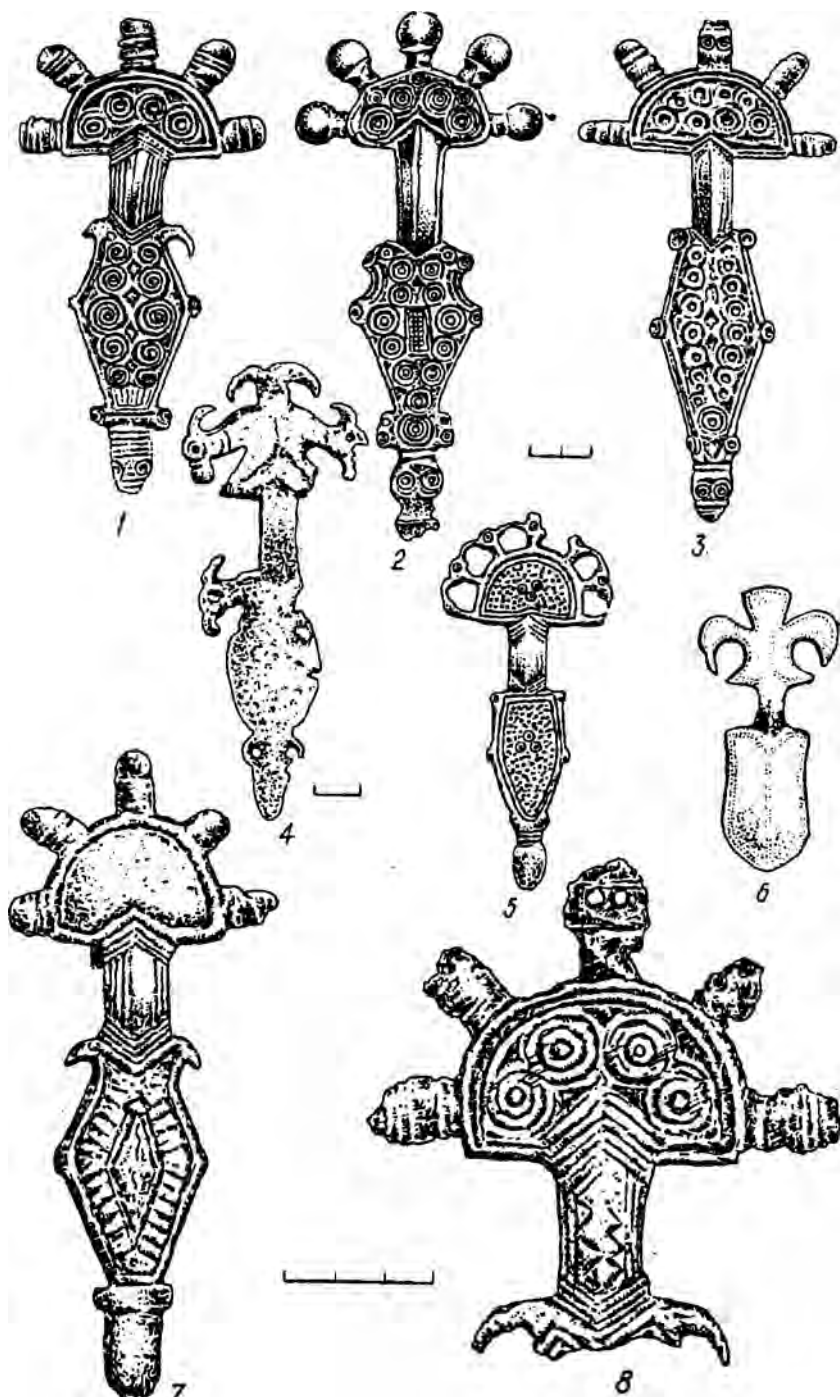

Рис. 3. Фибулы из Трубчевского клада.
1-3,5,7,8 - пальчатые; 4,6 - зооморфные.

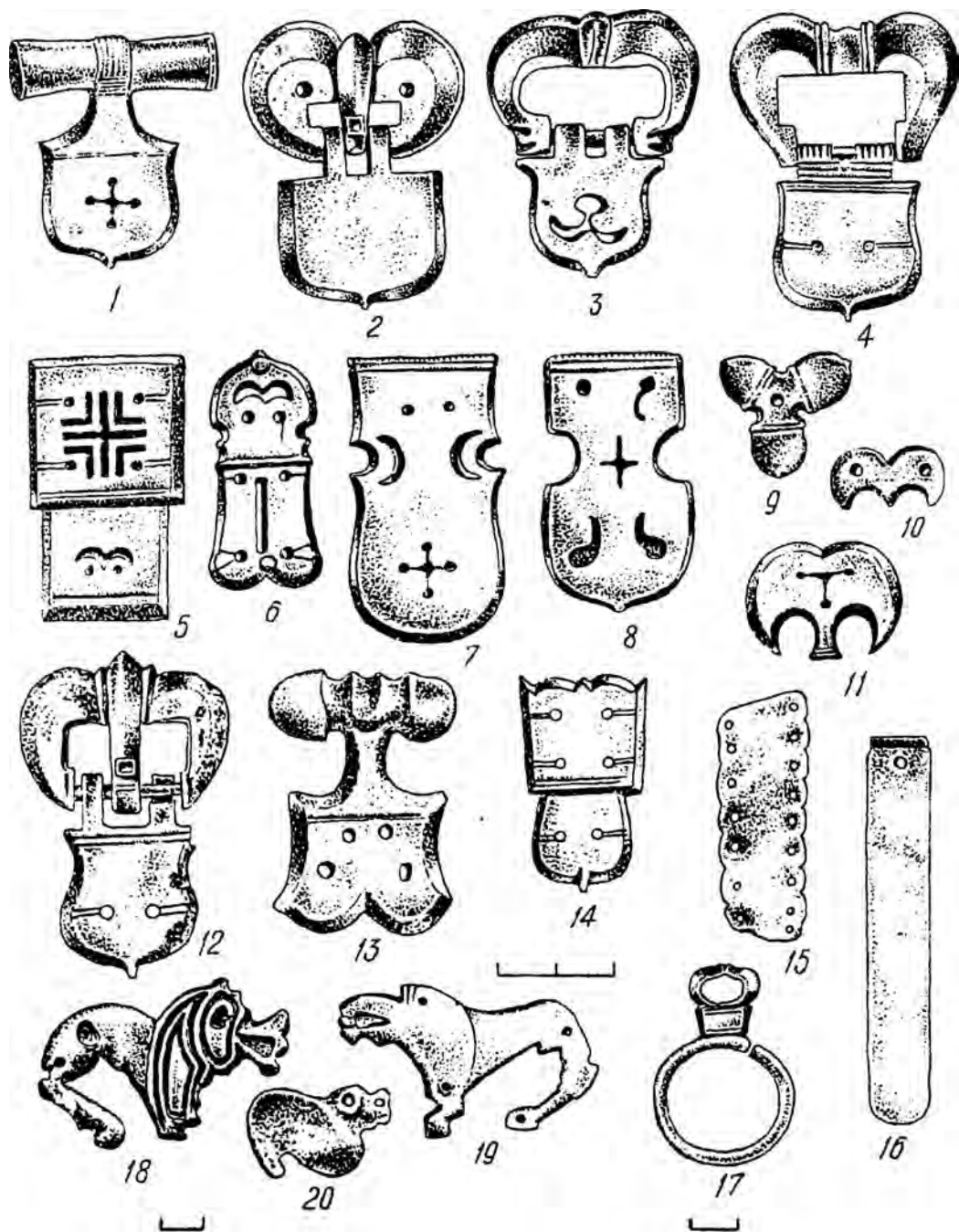

Рис. 4. Металлические изделия из Трубчевского клада.
1-17 - детали поясов, 18-20 - зооморфные нашивные бляшки.

½ 6°

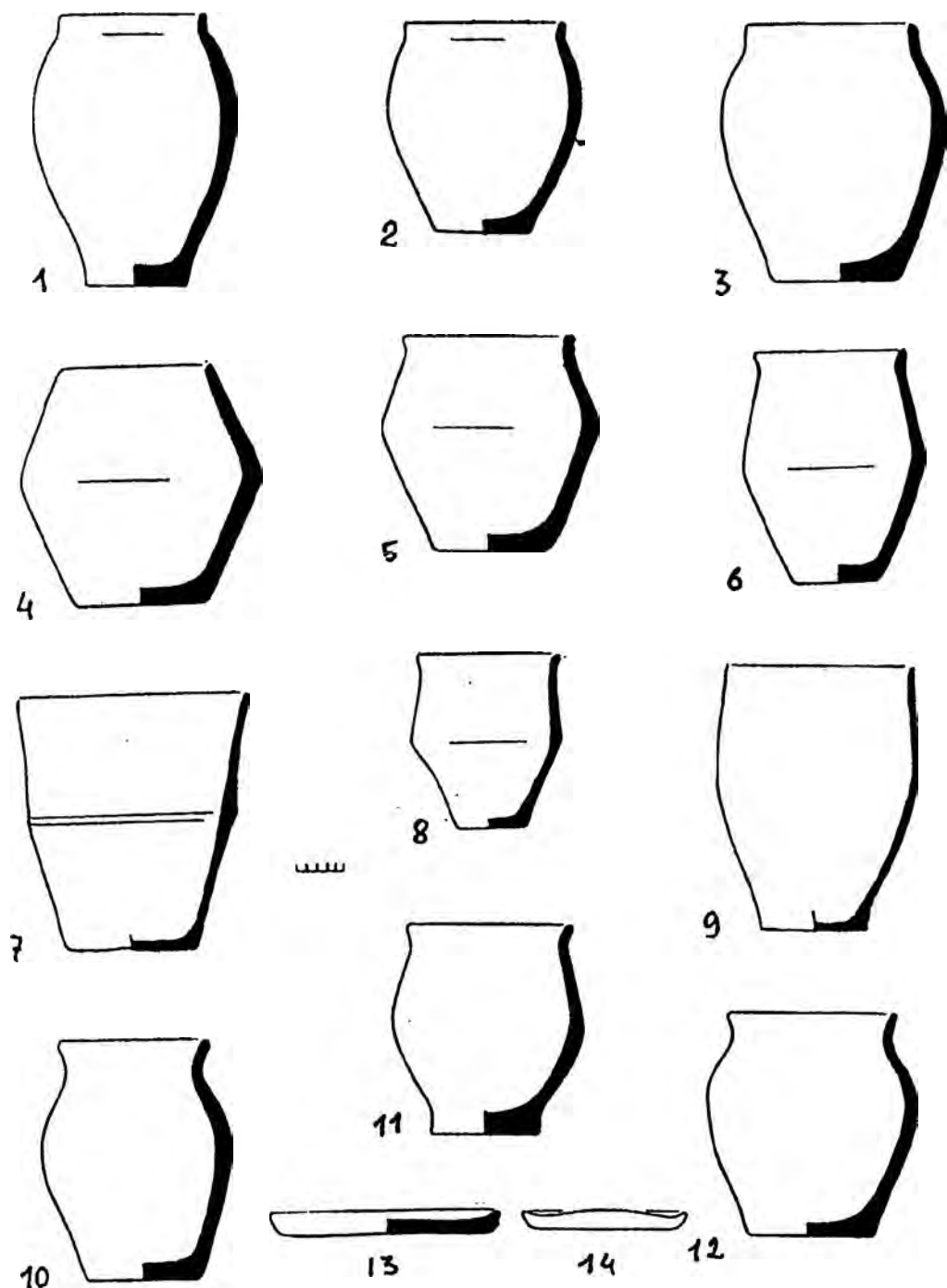

Рис. 5. Основные типы лепной восточнославянской керамики третьей четверти I тыс. н.э.

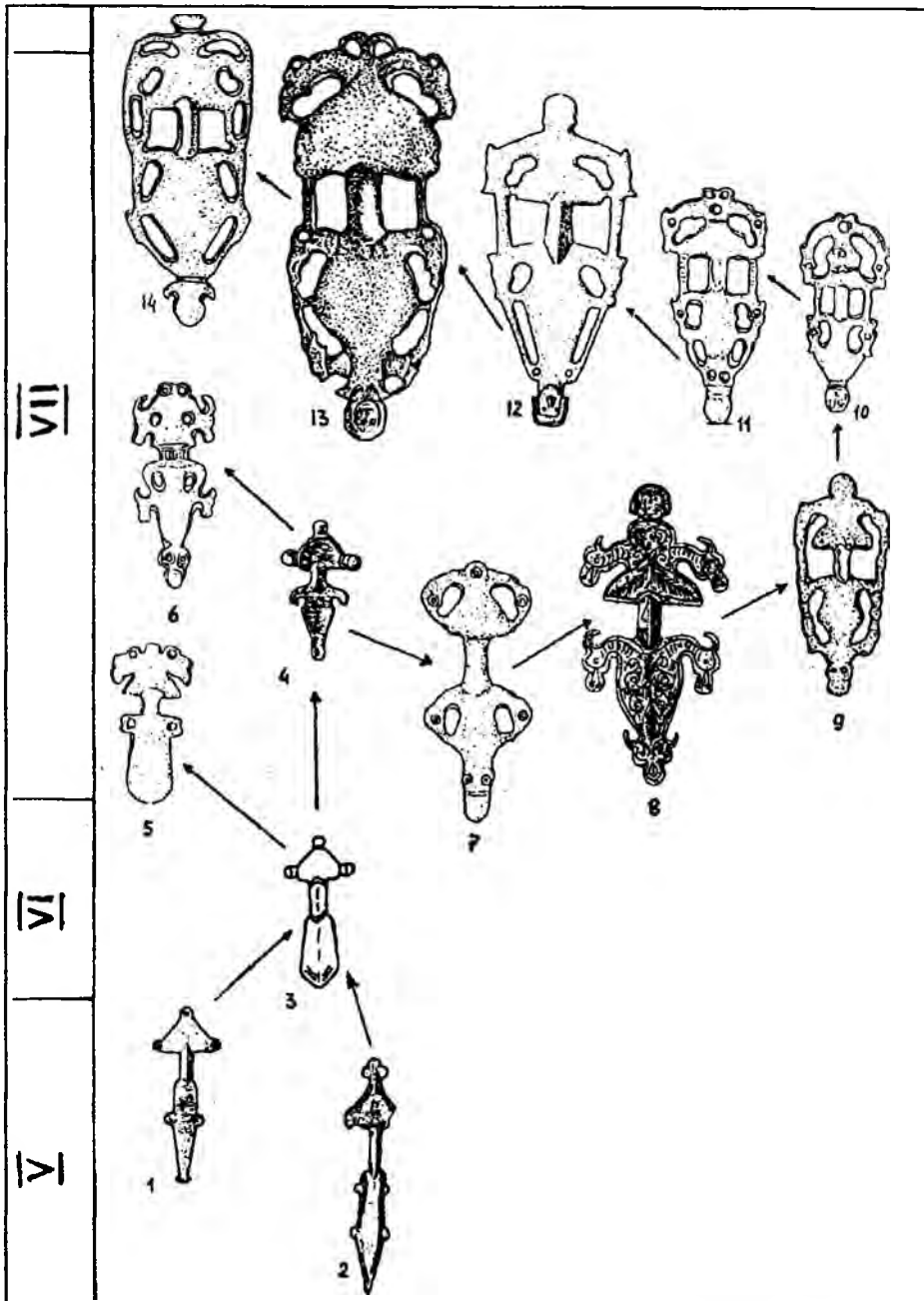

Рис. 6. Схема эволюционного развития зооантропоморфных фибул.
1 - Смолен, 2 - Вишков, 3 - Теремцы, 4-7,9-14 - Пастырское, 8 - Мартыновка.

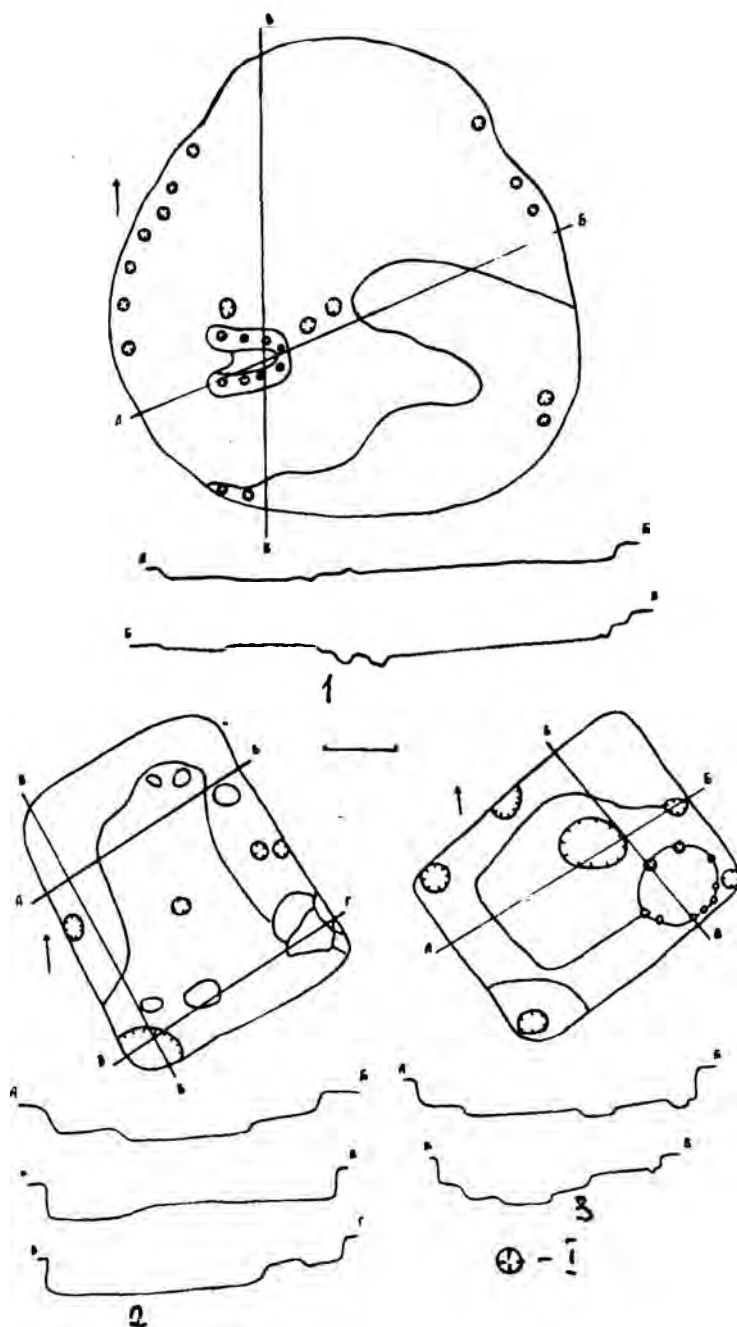

Рис. 7. Юртообразное жилище (1) и четырехугольные полуземлянки с чертами домостроительства кочевников (2,30 из Чернечины. 1 - ямы.

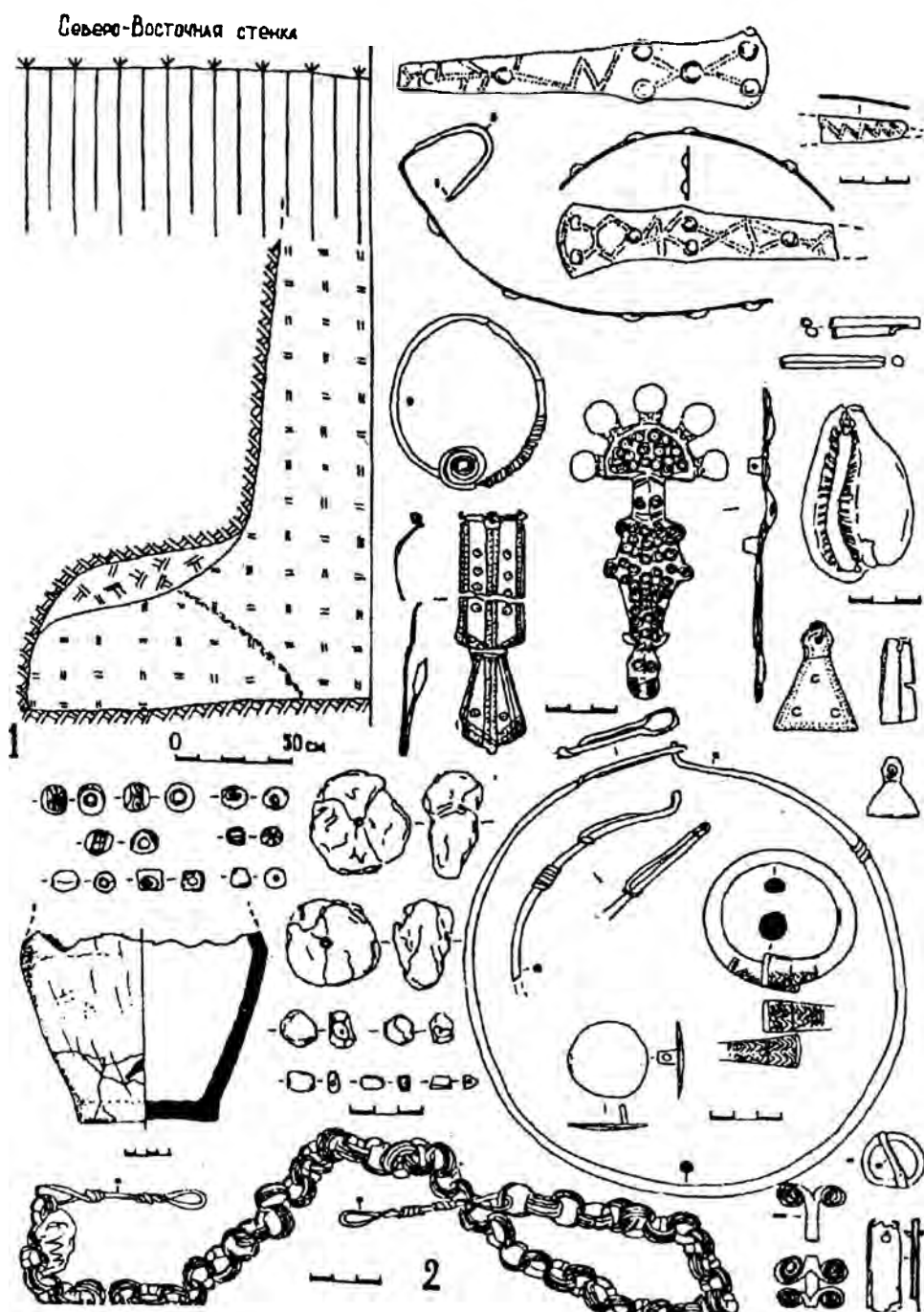

Рис. 8. Погребальный комплекс ингумации из Мохнача.
1 - профиль погребальной ямы с подбоем, 2 - сопровождающий погребение археологический материал.